БѢДНАЯ НЕВѢСТА,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

А. ОСТРОВСКАГО.

МОСКВА,
1852.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

А. Островскаго.

Суженаго конемъ не объѣдешь.

МОСКВА,
Въ типографіи Степановой.
1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, января 1 дня 1852 года.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АННА ПЕТРОВНА НЕЗАБУДКИНА, вдова небогатаго чиновника.
МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ея дочь.
ВЛАДІМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ МЕРИЧЪ } молодые люди, знакомые Не-
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЬ МИЛАШИНЪ } забудкиной.
ПЛАТОНЪ МАРКОВИЧЬ ДОБРОТВОРСКІЙ, старый стряпчій.
МАКСИМЪ ДОРОФЕЕВИЧЬ БЕНЕВОЛЕНСКІЙ, чиновникъ.
АРИНА ЕГОРОВНА ХОРЬКОВА, вдова, мѣщанка.
МИХАЙЛО ИВАНОВИЧЬ ХОРЬКОВЪ, сынъ ея, бывшій студентъ.
КАРПОВНА, сваха (по купечеству) въ платочкѣ.
ПАНКРАТЬЕВНА, сваха (по дворянству) въ чепчикѣ.
ДАРЬЯ, горничная Незабудкиныхъ.
МАЛЬЧИКЪ, Добротворскаго.
Офиціантъ и разныя лица, являющіяся въ 5-мъ дѣйствіи смотрѣть сватьбу.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Театръ представляетъ комнату; на задней стѣнѣ двѣ двери: одна въ комнаты, другая на улицу. Съ лѣвой стороны окно, у окна пяльцы, далѣе фортепьяно; съ правой стороны диванъ и большой круглый столъ).

ЯВЛЕНІЕ 1.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(сидитъ за пяльцами)* и **АННА ПЕТРОВНА** *(на диванѣ).*

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ тутъ и живи, какъ знаешь. Какъ бы папенька-то твой не моталъ безъ памяти, такъ бы другое дѣло было; а то оставилъ насъ почти ни съ чѣмъ. Дѣла всѣ запутаны, тутъ тяжба еще; вотъ домъ-то отнимутъ, что тогда дѣлать-то! Ты только подумай, какъ мы тогда жить-то будемъ!... А что я! Мое дѣло женское, да я и не знаю ничего, я сама привыкла за людьми жить. *(Молчаніе).* Хоть бы ты за-мужъ, что-ль, Маша, шла поскорѣй. Я бы ужъ, кажется, не знала, какъ и Бога-то благодарить! А то, какъ это безъ мужчины въ домѣ, это никакъ нельзя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

У васъ вѣдь, маменька, ужъ одинъ разговоръ.

АННА ПЕТРОВНА,

Что-жъ такое не говорить-то! Отъ слова-то тебя убудетъ, что ли. На-ко поди, ужъ и говорить-то нельзя. Что такое, въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Развѣ я виновата, маменька, что мнѣ никто не нравится.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ это не нравится, я не знаю; это такъ, капризъ просто, Маша.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы знаете, маменька, что у меня капризовъ нѣтъ, а просто не нравится никто, да и все тутъ. Да что-жъ тутъ мудренаго: кто за меня сватался,—вспомните хорошенько, что это за люди?

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ дѣлать-то, Машенька? что-жъ дѣлать-то, другъ мой? Гдѣ-жъ намъ тебѣ красавцевъ-то взять? Нынче хорошіе-то женихи все денегъ ищутъ, не хотятъ видѣть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, ужъ и не знаю! Посмотри-ко тамъ на столикѣ.... Постой, здѣсь, въ карманѣ. Нѣтъ ужъ какъ бы, кажется, тебя не полюбить! Все вѣтеръ въ головѣ-то у молодыхъ людей. Да, признаться сказать, вѣдь и ты-то очень разборчива. А ты подумай, вѣдь у насъ не горы золотыя—умничать-то не изъ чего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хорошо, хорошо.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что хорошо-то?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я подумаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Да о чемъ думать-то, скажи ты мнѣ— сдѣлай милость. Додумаешься до того, что просидишь въ дѣвкахъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А что-жъ за бѣда такая?

АННА ПЕТРОВНА.

Глупа еще ты—вотъ что. *(Сидитъ, надувшись. Молчаніе).* Что это, ей-Богу, хоть бы Платонъ Маркычь пришелъ! Ужъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать-то. Вотъ былъ чулокъ, вотъ гдѣ теперь чулокъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ, маменька, чулокъ. *(Подаетъ).*

АННА ПЕТРОВНА *(вяжетъ чулокъ)*.

Нейдетъ Платонъ Маркычь, да и только; что хочешь тутъ и дѣлай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да зачѣмъ вамъ, маменька, Платонъ Маркычь понадобился?

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ зачѣмъ? Что мы знаемъ, тутъ сидя-то; а онъ все таки мужчина. Буточникъ бумагу какую-то приносилъ, кто ее тамъ разберетъ? Вотъ поди-жъ ты женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура. Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту. Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю, тутъ и безъ бѣды бѣда. Возьми-ко, Маша, бумажку, да посчитай мнѣ деньги то, сдѣлай милость.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Говорите, я и такъ сочту.

АННА ПЕТРОВНА.

Постой, Маша! Заторопишь ты меня—я опять собьюсь. Гдѣ это бумажка-то у меня? Дай Богъ памяти. Вотъ она! постой—нашла. Вотъ сочти возьми. Давеча считала, считала на счетахъ,—либо цѣлковаго не хватаетъ, либо два лишнихъ, а ужъ Дарью лучше не заставляй. Да ужъ и въ головѣ-то все не то. Дѣло-то меня безпокоитъ очень, объ домѣ-то нужно съ Платономъ Маркычемъ поговорить. Все таки мужчина.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ.

Барыня, а барыня! отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Позови его сюда. *(Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ)*.

МАЛЬЧИКЪ.

Платонъ Маркычь кланяться приказали; прислали газеты вчерашнія и записочку-съ, да приказали о здоровьѣ спросить.

АННА ПЕТРОВНА.

Господи! куды это я очки дѣла? Поищи, Маша, сдѣлай милость. *(Марья Андреевна ищетъ очки).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло. Вѣдь и жаль безпокоить Платона-то Маркыча—старый человѣкъ; а дѣлать нечего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*читаетъ*).

«Ваше Высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имѣю васъ увѣдомить, что всѣ порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, и впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ; холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобы оный вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ. весьма много болѣе обыкновеннаго, и рябой....» *(Смотритъ съ умоляющимъ видомъ).* Маменька!

АННА ПЕТРОВНА.

Читай, читай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(продолжаетъ).*

«Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его сослуживцевъ, оказался нравственности хорошей и непьющій, что, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше, по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте безпокоиться; ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что это вы,

маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать. Это ужъ Богъ знаетъ что такое.... И ни слова мнѣ объ этомъ не скажете; это ужъ обидно даже. Ахъ, маменька, что вы со мной дѣлаете? *(Садится къ пяльцамъ).*

АННА ПЕТРОВНА.

Никакой тутъ обиды нѣтъ! Ты, Маша, этого не знаешь, это ужъ мое дѣло. Я вѣдь тебя не принуждаю; за кого хочешь, за того и пойдешь. А это ужъ мой долгъ тебѣ жениха найдти. *(Мальчику).* Кланяйся, милый, Платону Маркычу; скажи, что приказали благодарить; слава Богу, молъ, здоровы.

МАЛЬЧИКЪ.

Слушаю-съ.

АННА ПЕТРОВНА.

Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна).*

Вотъ всякой день этакой разговоръ! Какъ это не надоѣстъ маменькѣ, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда дѣться. *(Шьетъ въ пяльцахъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ДАРЬЯ *(входитъ).*

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что ты все сердишься?

ДАРЬЯ.

Да какъ-же, барышня, не сердиться-то! Этакой народъ, не повѣрите. Бѣгу изъ лавочки, а тутъ какой-то дуракъ остановился на дорогѣ, да прямо въ глаза и смотритъ. Что, говорю, бѣльмы-то выпучилъ, чего не видалъ, на мнѣ ничего не написано. Да какъ, говоритъ, на тебя, на красавицу этакую, не посмотрѣть. Плюнула да и пошла. *(Ищетъ что-то).* Вотъ вѣчно растеряетъ, а тутъ ищи. О, чтобъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что ты тамъ ищешь?

ДАРЬЯ.

Да табатерку барыня потеряла.... Нашла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, Даша, хороша я?

ДАРЬЯ.

Вы-то? красавица-раскрасавица.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Давай помѣняемся, вотъ и не будутъ смѣяться надъ тобой.

ДАРЬЯ.

И, матушка, на что мнѣ красота.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А мнѣ на что?

ДАРЬЯ.

Что это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ко, какой молодецъ въ васъ влюбится, любо-дорого глядѣть; полковникъ какой-нибудь возметъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Гдѣ ужъ, Даша, влюбиться! Маменька говоритъ, что замужъ пора.

ДАРЬЯ.

Что-жъ, отъ чего-жъ и за-мужъ нейдти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ зачѣмъ же быть красавицей-то,—лучше быть хозяйкой хорошей.

ДАРЬЯ.

Какъ это можно, лучше мужъ будетъ любить. Вотъ у сосѣдки двѣ дочери: старшая-то худая такая, какъ спичка; а младшая-то румяная да гладкая, еще шестнадцати лѣтъ нѣтъ, а какъ словно она троихъ ребятъ выкормила. Вотъ мать-то и говоритъ: боюсь, говоритъ, старшую-то за-мужъ отдавать, мужъ любить не станетъ; вотъ эту, говоритъ, любить будетъ. Заголовалась я съ вами, барышня; старуха-то, пожалуй, разсердится. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна)* и потомъ **ДАРЬЯ**.

Мужъ будетъ любить! Да я-то буду ли любить мужа! Вотъ въ чемъ дѣло. Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ! Да за кого я пойду? Я безъ ужаса себѣ представить не могу, какъ выдти за человѣка, къ которому, кромѣ отвращенія, ничего не чувствуешь. *(Задумывается)*. Всякой уродъ думаетъ, что онъ вправѣ посвататься, и даже считаетъ это какимъ-то одолженіемъ, потому что она, говорятъ, бѣдная невѣста. Иной просто торгуетъ меня, какъ вещь какую-нибудь: я, говоритъ, имѣю состояніе, у васъ ничего нѣтъ, я вашу дочь за красоту возьму; другой прикинется влюбленнымъ, лѣзетъ съ нѣжностями,—это еще хуже. Боже мой, сколько оскорбительнаго видѣла я въ послѣднее время! *(Смотритъ въ окно, задумавшись)*. Меричъ! Вотъ прекрасно. Идетъ такой печальный, задумавшись. Желала бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, ужъ вѣрно не обо мнѣ. *(Подходитъ къ зеркалу)*. Ахъ, какая я глупая! Ну съ чего я такъ покраснѣла вся, и голосъ дрожитъ. Надобно немного успокоиться—онъ, пожалуй, замѣтитъ. А что-жъ такое, мнѣ бы даже хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ; чтобы онъ сталъ дѣлать? Ахъ какія глупости! Что я вру? Дарья! Дарья! *(Входитъ Дарья)*. Поди, попроси Владиміра Васильевича въ садъ пройдти.

ДАРЬЯ.

Хорошо, барышня. *(Уходитъ)*.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(поправляется передъ зеркаломъ)*.

Тутъ поминутно разныя свахи являются, очень пріятно смотрѣть на нихъ. Я-то ужъ приглядѣлась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ахъ, какъ я рада ему,—онъ такъ рѣдко у насъ бываетъ....

ДАРЬЯ *(входитъ)*.

Пожалуйте, барышня, онъ въ саду. *(Марья Андреевна уходитъ. Дарья, стирая пыль съ мебели)*. Чтойто у меня за барышня, право.... Дай ей Богъ жениха хорошаго! *(Останавливается по срединѣ комнаты съ тряпкой въ рукѣ)*.

Если это разсудить теперь, какъ это все на свѣтѣ дѣлается. Богатъ ты, ну и всякій тебя уважаетъ, а бѣденъ, такъ и рыло воротятъ. Ужъ это значитъ не человѣкъ нуженъ, а богатство *(растопыриваетъ руки)*. Мудрено это все дѣлается! *(Взглянувъ въ окно)*. О, чтобъ васъ! Кого-то принесло. *(Идетъ къ двери)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДАРЬЯ И КАРПОВНА *(входя)*.

КАРПОВНА.

Даша, здравствуй!

ДАРЬЯ.

Здравствуй, Карповна. Чтойто ты пропала?

КАРПОВНА.

Что, душа,—все хлопоты; нѣтъ-ли чего новенькаго у васъ?

ДАРЬЯ.

Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

КАРПОВНА *(садясь)*.

Ужъ и какъ, дѣвушка, жарко.

ДАРЬЯ.

Ишь ты какъ разползлась, Богъ съ тобой.

КАРПОВНА.

А что, дѣвка, вѣдь и то никакъ я потолстѣла. Ты что-жъ не поправляешься.

ДАРЬЯ.

Ты говоришь: не поправляешься! Да съ чего мнѣ поправляться-то? Другое дѣло, кабы жила я покойно, а то.... ахъ.... *(Подходитъ къ ней и говоритъ вполголоса)*. То-есть ты, Карповна, не повѣришь, цѣлый-то она день деньской, какъ часы заведеныя,—и то не такъ, и другое не по ней—и пошла ворчать, и пошла.... Женщина я горячая, ничего на себѣ не могу перенести; ну и выговоришь; и пошелъ дымъ коромысломъ.... брань да исторія. То-есть, кажется, кабы только моя не привычка къ этому дому, какъ ужъ седьмой годъ живу, такъ я бы ни одного дня не осталась.

КАРПОВНА.

Ишь ты, дѣвка! а!... *(качаетъ головой)*.

ДАРЬЯ.

Женщина же я горячая: закипитъ это, закипитъ, и какъ вдругъ туманъ въ глазахъ, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сей-часъ какъ ничего и не бывало, а она все ворчитъ, все ворчитъ.... То есть, кажется, кабы моя не привычка! Какъ я седьмой годъ живу.... Ужъ такъ думаю: ну *(махнувъ рукой)*.

КАРПОВНА.

Въ людяхъ жить, душа, кому сладко.

ДАРЬЯ *(подходитъ къ ней ближе и говоритъ почти шепотомъ)*.

Намедни говоритъ: такая ты и этакая! Что, говоритъ, долго въ лавочку ходила! Ты съ лавочниками якшаешься! Какъ, говорю, сударыня! Кто меня засталъ? Нѣтъ, говорю, не извольте.... я, говорю, дѣвушка, какъ есть.... ни въ чемъ.... Ахъ, кажется.... ужъ лучше не говорить.... *(Помолчавши)*. Барышню поѣдомъ съѣла,—выходи, говоритъ, за-мужъ.... «За кого я, говоритъ, маменька, пойду». Да вѣдь и вправду,—ну за кого она пойдетъ, за какого шута гороховаго? Ужъ хоть бы ты, Карповна, ей хорошаго жениха нашла.

КАРПОВНА.

Найтить-то я нашла, да не знаю, какъ понравится.

ДАРЬЯ.

Я такъ думаю: офицера бы ей найдти. Смотри-ко, мимо насъ какіе хорошіе ѣздятъ. Никакъ кто-то идетъ. *(Идетъ къ двери; входитъ Панкратьевна)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ и ПАНКРАТЬЕВНА.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что, милушка, дома барыня?

ДАРЬЯ.

Дома.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла. *(Дарья уходитъ. Взглянувъ на Карповну)*. Ба, ба, ба.... Залетѣла ворона въ высокіе хоромы. Ты какъ сюда попала?

КАРПОВНА.

А вотъ какъ попала, такъ и попала. Это что еще за спросъ такой проявляется!

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ишь тебя вездѣ носитъ! Знала бы свое купечество.

КАРПОВНА.

А ты, не бось, съ дворянствомъ все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по переднимъ-то шляясь.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Невѣжа! Я съ тобой и говорить-то не хочу.

КАРПОВНА.

Ха, ха, ха, ха.... Ты что-ль больно вѣжлива! Ты вотъ, съ дворянами водишься, а ходишь ощипаная да обдерганая, страмъ смотрѣть-то; а я съ купечествомъ, да своимъ домомъ живу, не хуже кого другаго, и въ ламбартѣ есть. Напялила чепчикъ-то, такъ и на-поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!... Да я коли захочу, такъ въ полъ-аршина взбодрю. *(Смѣется)*. Еще важнѣй тебя буду.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Что съ невѣжей и говорить. Обращенія ты никакого не знаешь,—какъ есть дура, невоспитанная.

КАРПОВНА.

Вотъ дура,—да почище тебя, никто на ногу не наступитъ. *(Молчаніе)*,

ПАНКРАТЬЕВНА.

А вотъ, какъ узнаетъ Мартынъ Мартьянычь, за чѣмъ ты къ нимъ ходишь, такъ онъ тебѣ форсъ-то собьетъ.

КАРПОВНА.

А зачѣмъ я хожу-то? Ну, скажи, зачѣмъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, извѣстно, зачѣмъ.

КАРПОВНА.

Какъ тебѣ не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый годъ вдовѣю, ни въ чемъ не замѣшана. Ты, видно, съ больной головы на здоровую.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ и АННА ПЕТРОВНА *(свахи встаютъ и кланяются).*

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте! Ну что? Что? говорите скорѣй. *(Обѣ молчатъ).* Что вы молчите?

КАРПОВНА.

Пусть она сначала говоритъ,—у нее благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну говори ты, Панкратьевна!

ПАНКРАТЬЕВНА

Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такіе кавалеры, что чудо.

АННА ПЕТРОВНА.

Какіе-жъ они такіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служащіе, матушка, благородные.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ они, съ состояніемъ?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Служатъ, матушка, жалованье получаютъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Да живутъ-то они каково?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Живутъ хорошо. Одинъ стихи пишетъ, другой все поетъ цѣлый день. А ужъ какіе учтивые, да какіе влюбчивые. Какъ, говоритъ, увижу хорошенькую барышню, такъ бы и женился, ни на что не посмотрѣлъ.

АННА ПЕТРОВНА.

А чины у нихъ какіе?

ПАНКРАТЬЕВНА.

Чины небольшіе, изъ себя-то ужъ больно красавцы.

КАРПОВНА.

Голь все это, какъ я посмотрю.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну, а у тебя что, Карповна?

КАРПОВНА.

Есть-то у меня, есть, такой тузъ—не ея женихамъ чета; да лишнее бревнышко у насъ въ горницѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну хорошо. Поди, Панкратьевна! Навѣдайся какъ-нибудь на дняхъ.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Прощайте, Анна Петровна. *(Уходитъ, свирѣпо взглянувъ на Карповну).*

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Карповна, ужъ кабы ты намъ нашла жениха, я бы тебѣ такое спасибо сказала.... Сама ты знаешь, мое дѣло женское, ничего я не знаю, какъ это можно безъ мужчины.

КАРПОВНА.

Такъ вотъ, матушка, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Такой тузъ, что рукой не достанешь.

АННА ПЕТРОВНА.

Кто-жъ такой—говори, не мучай.

КАРПОВНА.

Сава Савичь, Бѣлугинъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты, вѣдь милліонщикъ!

КАРПОВНА.

Милліонщикъ, милліонщикъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ же это онъ вздумалъ?

КАРПОВНА.

Да что, матушка, дѣти одолѣли. Вѣдь у него дѣти-то поди-ко какіе. Самъ-отъ онъ въ большомъ домѣ не живетъ, знаешь, что съ балкономъ-то. Сыновья-то тамъ запрутся, да и пьютъ, и кранболь у нихъ тамъ всякій идетъ. Да что-жъ выдумали: выскочитъ это который-нибудь на балконъ, глаза

вытаращитъ, руки подыметъ, закричитъ страннымъ голосомъ, да назадъ; потомъ, погодя немного, другой, такъ и прокуратятъ. Что хорошаго!

АННА ПЕТРОВНА (*качая головой*).

А-я-яй, а-я-яй!

КАРПОВНА.

Ну сама посуди, отецъ-то смотритъ, смотритъ....

АННА ПЕТРОВНА (*заглянувъ въ окно и увидавъ идущую Хорькову*).

Ну хорошо, Карповна, спасибо тебѣ. Сама ты знаешь, мое дѣло женское.... зайди какъ-нибудь на дняхъ, потолкуемъ.... теперь нѣкогда,—вонъ Хорькова идетъ.

КАРПОВНА.

Зайду, зайду. (*Кланяется и уходитъ; входитъ Хорькова*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

АННА ПЕТРОВНА И ХОРЬКОВА.

АННА ПЕТРОВНА.

Арина Егоровна! милости просимъ! Присядьте!

ХОРЬКОВА.

Я вѣдь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была въ городѣ,—дай, думаю, зайду къ Аннѣ Петровнѣ; онѣ хоть и спѣсивы, никогда насъ не навѣстятъ, ну да ужъ, думаю, зайду.

АННА ПЕТРОВНА.

Извините, матушка, все дѣла, ей-Богу нѣкогда, сами посудите, дѣло мое женское: вездѣ сама должна. Вотъ у насъ теперь тяжба объ домѣ, такъ вѣдь ночи не сплю. Ну какъ отнимутъ, куда я дѣнусь: а у меня дочь невѣста. Какъ безъ мужчины въ домѣ—никакъ нельзя.

ХОРЬКОВА.

Вотъ я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мнѣ, говоритъ, маменька, нужды нѣтъ, что вы женщина простая и необразованная, а я, говоритъ, образованный человѣкъ,—я васъ

люблю и обожаю. Вы представьте, вѣдь онъ у меня теперь на линіи дворянина. Старостиха наша говоритъ мнѣ намедни: «у васъ такой сынъ, Арина Егоровна, такой сынъ, что мы, говоритъ, всѣ завидуемъ; скромный, почтительный, и никакихъ, говоритъ, шалостей за нимъ не слыхать. Что, говоритъ, вы его, Арина Егоровна, не жените». А я думаю себѣ: понимаю, куда ты мѣтишь. У нее, представьте, три дочери, и она по многу денегъ даетъ за ними; только дѣвушки, я вамъ скажу, безъ всякаго образованія; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: Миша! не хочешь ли, другъ мой, жениться; мнѣ, говорю, отъ богатыхъ невѣстъ отбою нѣтъ, всѣ, говорю, другъ мой, въ тебя за твою кротость и образованіе влюбляются. Я, говорю, съ тебя, другъ мой, воли не снимаю—ты самъ умнѣе меня и образованнѣе; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мнѣ свои мысли, я тебѣ найду невѣсту. «Хоть я, говоритъ, маменька, и образованный человѣкъ; но я завсегда предпочитаю съ вами объ этомъ дѣлѣ разговаривать». Всякая, говорю, дѣвушка за тебя пойдетъ съ радостію, есть, говорю, у меня для тебя невѣста и съ богатствомъ и съ красотой. Миша меня, представте себѣ, обнялъ, и говоритъ мнѣ: «Милая маменька, не въ богатствѣ счастіе, все, говоритъ, это тлѣнъ. Сходите, говоритъ, къ Аннѣ Петровнѣ, я ихъ уважаю, какое они обо мнѣ мнѣніе имѣютъ; душевное, говоритъ, мое есть желаніе понравиться Марьѣ Андревнѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Покорно васъ благодарю, Арина Егоровна! Мнѣ самой вашъ сынъ очень нравится. Я все къ вамъ думала побывать, да памяти нѣтъ: совсѣмъ и забуду, какъ забуду. Вы знаете мое душевное желаніе видѣть Машеньку за мужемъ поскорѣе; всѣ средства употребляю, чтобы ей хорошаго человѣка найдти. Я, признаться вамъ сказать, съ молоду была женщина избалованная; при мужѣ, при покойникѣ, какъ за каменной стѣной жила, ни во что не входила; а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломитъ всю. Какъ это безъ мужчины въ домѣ, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мнѣ ее съ рукъ сбыть, я бы была гораздо покойнѣе.

ХОРЬКОВА.

Чего-жъ думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете съ хорошей стороны; въ обществѣ онъ, по своему званію, превозвышенъ. Я, конечно, женщина простаго званія; но совсѣмъ не тѣхъ понятій; я довольно далека отъ этаго круга и довольно облагорожена въ своихъ чувствахъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Я принуждать Машеньку не могу— это ея воля. Вы скажите Михайлу Иванычу, чтобы онъ постарался понравиться Машенькѣ,—я буду очень рада.

ХОРЬКОВА.

Онъ у меня такой застѣнчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человѣкъ образованный, а такой застѣнчивый; чего тебѣ, другъ мой, съ твоимъ умомъ и образованіемъ бояться: всякая дѣвушка съ радостію тебя полюбитъ. Такъ ужъ вы мнѣ позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите ему, что я съ своей стороны согласна, и переговорю объ этомъ съ Машенькой.

ХОРЬКОВА.

Покорно васъ благодаримъ, мы будемъ надѣяться. *(Молчаніе).* Какой миленькій чепчикъ на васъ; почемъ вы брали ленточки?

АННА ПЕТРОВНА.

Ужь и не спрашивайте—память вѣдь у меня плоха, кажется по восьми, не то по семи гривенъ.

ХОРЬКОВА.

Миленькій, очень миленькій.... Вы мнѣ одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сдѣлать; вотъ, представьте себѣ, такъ и сплю и вижу — непремѣнно черный муаре.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда это я ее засунула! спросить у Дарьи надобно. Вотъ кабы Машенька за-мужъ вышла, ужь я къ свадьбѣ-то бы себѣ какую-нибудь на Кузнецкомъ Мосту заказала понарядней.

ХОРЬКОВА.

Не совѣтую, Анна Петровна, не совѣтую. У меня есть знакомая портниха; она вамъ сдѣлаетъ просто и благородно. Я женщина простаго званія, а люблю одѣваться со вкусомъ, и чтобы все было благородно. Мнѣ Миша всегда говоритъ: «Вамъ, говоритъ маменька, удивляться надобно, какой вы имѣете вкусъ и разсудокъ. Я, говоритъ, васъ люблю и уважаю; мнѣ, говоритъ, нужды нѣтъ, что вы не получили никакого образованія». Прощайте, Анна Петровна; поищите мнѣ выкроечку.

АННА ПЕТРОВНА *(встаетъ)*.

Пойдемте, — она, должно быть, у меня въ комнатѣ; поищемте вмѣстѣ. *(Идутъ къ двери. Милашинъ входитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ-ЖЕ и МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

Здравствуйте, Анна Петровна!

АННА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте Иванъ Иванычь! Машенька, должно быть, въ саду гуляетъ. *(Милашинъ подходитъ къ окну)*.

ХОРЬКОВА *(осматриваетъ Милашина)*.

Кто это, Анна Петровна?

АННА ПЕТРОВНА.

Милашинъ, Иванъ Иванычь.

ХОРЬКОВА.

Ну, это вашей дочкѣ не женихъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какой женихъ! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

МИЛАШИНЪ. *(одинъ у окна)*.

Что это! Меричъ опять здѣсь! Ну такъ и есть. Я этого и ожидалъ. Чортъ возьми, это досадно. Нѣтъ, я этого не позволю. *(Ходитъ по комнатѣ)*. Сколько времени я всѣ силы употребляю,

чтобъ ей понравиться, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тутъ какой-нибудь выскочка.... Я рѣшительно не могу видѣть, какъ она съ нимъ любезничаетъ. Какъ бы мнѣ его выжить отсюда! Жениться на ней? Такъ она за меня не пойдетъ, потому-что мнѣ жить нечѣмъ, да и, кажется, она не любитъ меня. Да изъ чего-жь я бьюсь? Просто уйдти, бросить и не обращать вниманія. Но однакоже надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «у васъ теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, съ которыми вамъ веселѣй, чѣмъ съ старыми; прощайте; но вы теряете друга, который былъ вамъ преданъ». Она, конечно, будетъ меня уговаривать, а я ей: «нѣтъ, скажу, коли у васъ есть лучше, такъ ужъ что-же мнѣ здѣсь дѣлать, можетъ быть я вамъ ужъ надоѣлъ: прощайте, скажу.... навсегда».—Но зачѣмъ же навсегда, Иванъ Иванычь!— «Нѣтъ, скажу, если прощаться, такъ навсегда, у меня такой характеръ». Взять шляпу и уйдти.... Ну что-жъ потомъ? А, чортъ возьми! Она еще, пожалуй, будетъ рада, что я ушелъ, а Меричъ и подавно.— Такъ нѣтъ же, останусь на зло имъ, буду ходить каждый день. Буду въ глаза смѣяться надъ Меричемъ, ужъ какъ-нибудь да я его выживу отсюда, я на всякое средство рѣшусь. *(Ходитъ по комнатѣ).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

МИЛАШИНЪ, МЕРИЧЪ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(входятъ).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Здравствуйте, Иванъ Иванычь! Что, ушли свахи?

МИЛАШИНЪ.

Кажется ушли; мнѣ навстрѣчу двѣ попались.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ это скучно. *(Стоитъ задумавшись).* Заходите къ намъ, Владиміръ Васильичь, почаще. Обѣщайте.

МЕРИЧЪ.

Смѣю-ли я ослушаться, когда вы приказываете. Только я вамъ повторяю, Марья Андревна, я васъ боюсь. Вы, въ самомъ дѣлѣ, способны возбудить въ человѣкѣ серьёзную страсть.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте шутить-то.

(*Милашинъ дѣлаетъ гримасы довольно замѣтно*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*Милашину*).

Что съ вами: вы нынче какъ будто не вдухѣ.

МИЛАШИНЪ.

Такъ-съ, у меня что-то голова болитъ.

МЕРИЧЪ.

Голова болитъ! это не хорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна; засвидѣтельствуйте мое почтеніе маменькѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Когда-же вы къ намъ?

МЕРИЧЪ.

Завтра, если можно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень можно: такъ завтра. Я буду ждать.

МЕРИЧЪ.

Непремѣнно. (*Уходитъ. Марья Андреевна подходитъ къ двери*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Смотрите-же, не обманите.

МЕРИЧЪ (*за сценой*).

Честное слово.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МИЛАШИНЪ.

МИЛАШИНЪ.

Что это онъ съ вами говорилъ въ саду, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А вамъ какое дѣло? Вы очень любопытны.

МИЛАШИНЪ.

Извините, Марья Андревна, я думалъ, что у васъ съ Меричемъ нѣтъ особенныхъ секретовъ. Я не зналъ.... Можетъ быть, это что-нибудь такое, чего и сказать не льзя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Можетъ быть.

МИЛАШИНЪ (*послѣ непродолжительнаго молчанія*).

Скажите, Марья Андревна, за что вы меня не любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте, что вы! за что мнѣ васъ не любить?

МИЛАШИНЪ.

Конечно, я не такъ хорошъ, какъ Меричъ; не бываю въ высшемъ обществѣ; не говорю по-французски. Нынче эти качества очень цѣнятъ. Будь глупъ, какъ пробка, только умѣй любезничать, болтать.... Вотъ что нынче нравится. — Это смерть досадно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы очень любезны.

МИЛАШИНЪ.

Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится.... Чѣмъ я хуже какого-нибудь Мерича. Еслибъ я захотѣлъ, я бы могъ во сто разъ быть лучше его.... Да и съ чего онъ взялъ смѣяться надо мной! Какъ онъ смѣетъ! Нѣтъ, я это такъ не оставлю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Чего-же вамъ хочется,—я все не понимаю.

МИЛАШИНЪ.

Да, это очень трудно понять! Человѣка унижаютъ, не считаютъ ни за что.... Для нихъ главное дѣло наружность! Вотъ что обидно, Марья Андревна! Вы не думайте, чтобъ я завидовалъ такимъ людямъ, какъ Меричъ. Я слишкомъ гордъ, чтобъ имъ завидовать. Много будетъ чести для нихъ. Хороши люди, которые восхищаются такими господами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я съ вами согласна. Значитъ и говорить не объ чемъ.

МИЛАШИНЪ.

Конечно, Марья Андревна, но вы.... не принимайте Мерича, ради Бога, я васъ умоляю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что онъ вамъ мѣшаетъ?

МИЛАШИНЪ.

Да помилуйте, самый пустой человѣкъ! *(Молчаніе).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Иванъ Иванычь, вы влюблены въ меня. *(Милашинъ въ смущеніи).* Бѣдный, мнѣ васъ жаль! извините вы меня....

МИЛАШИНЪ.

Пожалуйста не жалѣйте! что-жъ дѣлать, насильно милъ не будешь. Но я имѣю довольно твердости, чтобы перенести это, и довольно гордости, чтобы не унижаться и не вымаливать вашу любовь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И слава Богу.

МИЛАШИНЪ.

Осчастливьте того, кто достойнѣе меня! Есть много очень хорошихъ молодыхъ людей, которые умѣютъ одѣваться къ лицу, говорить комплименты. *(Принужденно смѣется).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это скучно, наконецъ!

МИЛАШИНЪ.

Вамъ скучно? да! А каково мнѣ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да мнѣ-то что-жъ за дѣло; все-таки вы должны быть учтивы, по крайней мѣрѣ. *(Отворачивается; молчаніе).*

МИЛАШИНЪ.

Марья Андревна! Вы на меня сердитесь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какъ же на васъ не сердиться, когда вы глупости говорите.

МИЛАШИНЪ.

Ну простите меня, ради Бога, простите, — дайте ручку. *(Беретъ ея руку и цѣлуетъ; молчаніе).* Марья Андревна, у насъ одинъ чиновникъ получилъ наслѣдство—тысячь двѣсти. Вотъ дураку счастье.... ужасно досадно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ чего-же вамъ досадно?

МИЛАШИНЪ.

Да какъ-же не досадно, теперь будетъ носъ подымать

насъ и знать не за хочетъ. А какъ, я думаю, подличалъ, унижался передъ дядей-то, чтобы тотъ ему что-нибудь оставилъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А можетъ быть и не подличалъ.

МИЛАШИНЪ.

Какъ, чай, не подличать. Я говорилъ ему давича: «я думаю, вамъ теперь низко будетъ служить съ нами.»

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ-же вы говорили это?

МИЛАШИНЪ.

Да какже, вѣдь досадно до смерти. Еще дуракъ приглашаетъ обѣдать; пускай другіе идутъ, а я ужъ слуга покорный. Очень пріятно смотрѣть, какъ онъ будетъ важничать, что у него денегъ много.

ДАРЬЯ *(входитъ съ самоваромъ).*

Матушка, барышня, Платонъ Маркычь пришелъ.

МИЛАШИНЪ.

Очень кстати.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ чего-жъ не кстати?

МИЛАШИНЪ.

Да такъ, я его не люблю что-то.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы, кажется, никого не любите.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА СЪ ДОБРОТВОРСКИМЪ *(входятъ).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ вотъ, сударыня, дѣло-то какого роду.

АННА ПЕТРОВНА.

Понимаю, понимаю, Платонъ Маркычь. *(Садится къ столу и наливаетъ чай).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Здравствуйте, матушка барышня, что это вы не веселы?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да чему-же мнѣ радоваться-то, Платонъ Маркычь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да, и то правда. Неурожай нынче, барышня, на жениховъ-то неурожай.

АННА ПЕТРОВНА.

Чаю не угодно-ли?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Выпью-съ. Не съ чего невѣстамъ веселымъ-то быть. Ну, да ужь для васъ, матушка барышня, постараюсь отыскать хорошаго—будете благодарить. Я еще папеньку вашего зналъ покойнаго, благодѣтель для меня былъ. Такъ ужъ не извольте безпокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, зачѣмъ, Платонъ Маркычь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ничего-съ, пожалуйте. (*Цѣлуетъ руку*).

АННА ПЕТРОВНА.

Подвигайтесь, Платонъ Маркычь, сюда поближе. (*Анна Петровна и Добротворскій садятся съ одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашинъ съ другой*).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Слушаю, сударыня! Народъ-то нынче, я говорю, сударыня, поизвѣтреничался, жениховъ-то трудно искать. Въ наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало чуть мальчикъ пооперится, поступитъ на службу, глядишь—и женится. Тогда, сударыня Анна Петровна, холостыхъ-то что-то мало было и видно, а у насъ въ судѣ, такъ, повѣрите ли, ни одного холостаго чиновника не было. А нынче какъ живутъ молодые люди, такъ только дивиться надо. А ужъ это не порядокъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какой ужъ это порядокъ! Что хорошаго! Охъ, да никакъ я вамъ сахару-то положить забыла. Что, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Положили, маменька.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что вы, сударыня, изволите говорить?

АННА ПЕТРОВНА.

Го́ворю, что хорошаго: не хорошо.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, какъ можно, что хорошаго! Въ наше-то время совсѣмъ не такъ было. Вотъ оно и невѣстамъ-то веселѣй было. Долго-то не засиживались; развѣ ужъ которая съ какимъ-нибудь недостаткомъ тѣлеснымъ, горбатая тамъ какая. Да и тѣми не брезгали. Вотъ у моей у невѣстки, сударыня, шесть пальцовъ было на правой рукѣ, мать-то все ахала, что, говоритъ, не возьмутъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошій человѣкъ взялъ—и ничего. Такъ я и говорю, сударыня, что невѣстамъ-то веселѣй было, задумываться-то было не о чемъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да я совсѣмъ объ этомъ и не думаю.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ, чай, не думать, барышня! не скажете только, а то какъ не думать! Конечно, дѣло дѣвичье: этаго не говорятъ, какъ будто отъ совѣсти; а то какъ не думать, всѣ думаютъ. Такъ я, сударыня, говорю?

АННА ПЕТРОВНА.

Такъ, Платонъ Маркычь, такъ; ужъ что толковать? Не хотите-ли еще чашечку?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте. Вотъ, матушка барышня, и ваша маменька то-же говоритъ. *(Говоритъ потихоньку съ Анной Петровной).*

МИЛАШИНЪ.

Дуракъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За что вы его браните?

МИЛАШИНЪ.

Онъ васъ совсѣмъ не понимаетъ! Онъ думаетъ, что вы такъ-же о женихахъ хлопочете, какъ невѣстка его, у которой было шесть пальцовъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А пусть его думаетъ, что хочетъ; онъ очень добрый человѣкъ.

МИЛАШИНЪ.

Однако, что они тамъ шепчутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-нибудь о своихъ дѣлахъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ *(въ полголоса).*

Прекрасный, сударыня, человѣкъ, и молодой еще, очень молодой. Онъ секретарь.

АННА ПЕТРОВНА.

Что?

ДОБРОТВОРСКІЙ *(громче)*

Секретарь, говорю. Чинъ не большой —да мѣсто хорошее. Всего у него въ домѣ много, лошади свои.

АННА ПЕТРОВНА.

Что, не слышу?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Лошади свои.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое онъ говоритъ?

МИЛАШИНЪ.

Это что-то интересно.

АННА ПЕТРОВНА.

Послушай-ко, Машенька, Платонъ Маркычь-то какое намъ одолженіе дѣлаетъ: нашелъ человѣка, который хочетъ взяться за наше дѣло. — Говоритъ, что очень хорошій молодой человѣкъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Прекрасный, барышня, человѣкъ; а ужъ дѣлецъ какой! бѣда!

АННА ПЕТРОВНА.

Никакъ я про васъ-то и забыла, Иванъ Иванычь. *(Наливаетъ ему чай).* А не пьетъ онъ, Платонъ Маркычь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ, чай, не пить, да должно быть не много: кабы много пилъ, такъ бы слышно было.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вы, маменька, опять за свой разговоръ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Боже мой! что-жъ такое за важность! Ты вѣдь его еще не видала,—посмотришь, можетъ быть, и самой понравится.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Мы, сударыня, съ нимъ къ вамъ завтра пріѣдемъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ, Платонъ Маркычь, какъ я вамъ благодарна. Ужъ я право не знаю, какъ вамъ это и выразить. — Сами видите, наше дѣло женское, что мы знаемъ. Такъ только маешься. Какъ это безъ мущины!

ДОБРОВОРСКІЙ.

И, сударыня, что это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязанъ былъ.... По гробъ не забуду.—Благодѣтель мнѣ былъ, дай ему Господи царство небесное, мѣсто покойное. Чѣмъ же мнѣ ему заплатить-то? Ну старъ сталъ не на все ума хватаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(встаетъ).*

Вы слышали, Иванъ Иванычь?

МИЛАШИНЪ *(встаетъ).*

Слышалъ. Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ это у насъ вѣчно такой разговоръ.

МИЛАШИНЪ.

Я не знаю. Я не могу придти въ себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убиваетъ меня. Я, кажется, этого не перенесу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы все о себѣ. Вы обо мнѣ-то подумайте хоть немножко

МИЛАШИНЪ.

Что-же объ васъ-то! Вы посмотрите, можетъ быть, онъ вамъ понравится. Вы будете счастливы.—Что-жь! я готовъ пожертвовать даже жизнію, чтобы вы были счастливы.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

На что мнѣ ваша жизнь! Мнѣ только тошно, что ко мнѣ пристаютъ съ женихами.

МИЛАШИНЪ.

Конечно, Марья Андревна, для меня бы легче было видѣть васъ въ несчастномъ супружествѣ, чѣмъ видѣть васъ счастливой съ другимъ; но я не эгоистъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, да зачѣмъ мнѣ все это знать! Вы опять за свое.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте, Марья Андревна; быть можетъ, мы больше не увидимся.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это что такое! Полноте, перестаньте. Пойдемте въ садъ. *(Уходятъ).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Такъ мы завтра пріѣдемъ, сударыня. Объ дѣлѣ потолкуемъ, да онъ Марью Андревну посмотритъ. Можетъ, она ему и понравится. Вотъ два дѣла разомъ и сдѣлаемъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Хорошо-бы, Платонъ Маркычь, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня изъ головы нейдетъ,—ночи вѣдь не сплю. Ну какъ домъ-то отнимутъ, куда я дѣнусь. Да и Машеньку-то ужъ пора выдавать, право пора.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня! *(Перевертываетъ чашку).* Прощенья просимъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Прощайте, Платонъ Маркычь; такъ мы ждать будемъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ. *(Уходятъ).*

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена представляетъ небольшой, тѣнистый садъ; направо отъ зрителей скамейка, сзади которой большой кустъ. Хорьковъ сидитъ на скамейкѣ, повѣся голову.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЬКОВЪ.

Ушелъ, струсилъ: какой я жалкій человѣкъ. — Однако что я дѣлаю наконецъ! за что-же я гублю себя! Вотъ ужъ три года, какъ я кончилъ курсъ; и въ эти три года я не сдѣлалъ ровно ничего для себя. Меня обдаетъ холодомъ, когда я вспомню, какъ я прожилъ эти три года. Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь! И никакихъ стремленій выдти изъ этой жизни! Ни капли самолюбія! Я ужъ начинаю успокоиваться въ бездѣйствіи. (*Встаетъ*). Нѣтъ, надобно кончить! Надобно сказать ей, что я ее люблю! Неужели она не сжалится надо мной? Я слабый, жалкій человѣкъ; она увидитъ, что для меня въ ней одной только спасеніе. Для нее я бы сталъ работать, трудиться; она одна только способна привязать меня къ жизни. (*Садится*). Боже мой, какъ я люблю эту дѣвушку! Какъ я люблю ее!

ЯВЛЕНІЕ II.

ХОРЬКОВЪ И ХОРЬКОВА *(входитъ).*

ХОРЬКОВА *(садясь на скамейку).*

Какъ это тебѣ, Миша, не стыдно! зачѣмъ ты ушелъ? Только что я стала выражать Марьѣ Андревнѣ, какъ ты ихъ любишь, и какъ ты объ нихъ относишься, ты сей-часъ и бѣжать.... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь; а ты всего конфузишься.

ХОРЬКОВЪ.

Ахъ, маменька, не говорите, сдѣлайте милость, обо мнѣ съ Марьей Андревной, я самъ поговорю. Вы и такъ про меня всегда Богъ знаетъ что разсказываете.

ХОРЬКОВА.

Да, дождешься тебя. Странно это, Миша, ты человѣкъ образованный...

ХОРЬКОВЪ.

Да, маменька, я образованъ, у меня сердце доброе; кромѣ этого, я знаю, что со мной она будетъ счастлива, что только я одинъ могу оцѣнить ее, что она погибнетъ въ этомъ кругу жертвой разсчета или невѣжества.... но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

ХОРЬКОВА.

Ахъ, Боже мой, свѣтъ-то не клиномъ сошелся—найдемъ другую.

ХОРЬКОВЪ.

Гдѣ я найду другую? хорошо, что случай свелъ меня съ Марьей Андревной, я ее узналъ, полюбилъ.... Да повѣрьте же вы мнѣ, что я такъ люблю Марью Андревну, что никого не могу видѣть кромѣ ея.... Я и не думалъ, что такъ могу полюбить.—Я измучился въ послѣднее время.... Вы видите, я плачу.... Я не могу жить безъ нея.

ХОРЬКОВА.

А коли любишь, такъ откройся—это всегда такъ дѣлаютъ.

ХОРЬКОВЪ.

Я поговорю съ ней, непремѣнно поговорю: надобно же чѣмъ нибудь кончить.... А что, если она мнѣ откажетъ! Теперь, покрайней мѣрѣ, есть надежда, есть мечты, а тогда что! я не перенесу.

ХОРЬКОВА.

Странно это, Миша: ты человѣкъ образованный, а что ты дѣлаешь, какъ погляжу я на тебя. Никакаго ты знакомства не имѣешь, дѣломъ не занимаешься, валяешься дома въ халатѣ съ трубкой.—Вотъ теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, какъ другіе-то образованные люди живутъ: барышни за ними сами ухаживаютъ.... Вотъ, кажется, Марья Андревна сюда идетъ.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька, ради Бога, не говорите ни слова.

ХОРЬКОВА.

Сдѣлай милость, не учи! я хоть женщина и необразованная, а умѣю себя вести.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

ХОРЬКОВА (*встаетъ*).

Погулять вышли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, немножко освѣжиться. (*Къ Хорькову*). Вы что здѣсь дѣлаете?

ХОРЬКОВЪ.

Такъ-съ, мечтаю....

ХОРЬКОВА.

Онъ у меня все тоскуетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Объ чемъ?

ХОРЬКОВА.

Влюбленъ должно быть: я такъ замѣчаю по его словамъ.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы влюблены? Я считала васъ холоднымъ человѣкомъ.

ХОРЬКОВЪ.

Я холодный человѣкъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ неужели вы можете полюбить кого-нибудь? Полноте. (*Смѣется*).

ХОРЬКОВА.

Посмотрите, какъ страдаетъ: право, мнѣ на него даже тяжело смотрѣть.

ХОРЬКОВЪ.

Маменька! ахъ Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Право, мнѣ не вѣрится. Въ кого-же влюбленъ Михайло Иванычь?

ХОРЬКОВА.

Ужъ это извольте спросить сами. Миша! *(Дѣлаетъ ему знакъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЬКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(садясь подлѣ Хорькова).*

Что вы такіе скучные? Вы въ самомъ дѣлѣ влюблены?

ХОРЬКОВЪ.

Да, я не знаю, что со мной дѣлается.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я такъ плачу нынче цѣлое утро.

ХОРЬКОВЪ.

Объ чемъ-же вы плачете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька все съ женихами пристаетъ. Какой-то купецъ старикъ, да нынче еще чиновникъ пріѣдетъ. Какъ вамъ это покажется?

ХОРЬКОВЪ.

Это ужасно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да и къ тому-же, Михайло Иванычь,—я съ вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны съ вами. Не правда-ли? *(Протягиваетъ ему руку).*

ХОРЬКОВЪ *(беретъ ея руку).*

Говорите, говорите.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я сама влюблена немножко.

ХОРЬКОВЪ *(встаетъ быстро).*

Вы?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы такъ испугались? Не бойтесь, не въ васъ.

ХОРЬКОВЪ *(садится).*

Нѣтъ-съ. Я та, извините.къ

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ вы испугались! А вы думали, что въ васъ? Не бойтесь, не бойтесь; я не потревожу вашей солидности. *(Молчаніе).* Вотъ какое мое положеніе, Михайло Иванычь. Что вы мнѣ посовѣтуете?

ХОРЬКОВЪ.

Я-съ? Я рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я теперь не могу ни за кого идти....недѣлю прежде я бы пошла, еслибы нашелся хорошій человѣкъ.

ХОРЬКОВЪ.

Неужели ни за кого?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Рѣшительно ни за кого.

ХОРЬКОВЪ.

А если-бъ я за васъ посватался? *(Принужденно смѣется).* Я шутя васъ спрашиваю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И за васъ бы не пошла. Я съ вами дружна, а любить васъ не могу.

ХОРЬКОВЪ *(съ возрастающимъ волненіемъ)*

А какъ бы я любилъ васъ! Какъ бы я старался угождать вамъ! Съ какой бы готовностью исполнялъ малѣйшее ваше желаніе! Съ какой бы благодарностью я принималъ каждую вашу ласку.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(взглянувъ на него).*

Вы шутите?.... Впрочемъ еслибъ вы посватались, мнѣ все таки было бы не такъ тяжело: я вамъ могу откровенно сказать, что васъ не люблю, и вы не обидитесь; а другіе еще обижаются.

ХОРЬКОВЪ.

Да, да, конечно. *(Молчаніе).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, каковъ человѣкъ—Меричъ?

ХОРЬКОВЪ.

Меричъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да Владиміръ Васильичъ.

ХОРЬКОВЪ.

Не знаю. Марья Андревна. что вамъ сказать; право не знаю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То-есть вы не хотите. Однако прощайте: мнѣ пора-къ маменькѣ. *(Уходитъ).*

ХОРЬКОВЪ.

И я, дуракъ, мечталъ о счастіи. Боже мой, Боже, мой!.... *(Сидитъ закрывши лице руками).*

ЯВЛЕНІЕ V.

ХОРЬКОВЪ, МИЛАШИНЪ и МЕРИЧЬ *(входятъ).*

ХОРЬКОВЪ.

Что нынче здѣсь за праздникъ? Дарья такая нарядная, такъ разрядилась. что смотрѣть не хочетъ. Бѣгаетъ взадъ и впередъ съ крахмальными юбками.

МИЛАШИНЪ.

Гостей ждутъ.

МЕРИЧЬ.

Какихъ-же это гостей?

МИЛАШИНЪ.

Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу Анны Петровны. Да его-же, кажетсь, прочатъ въ женихи Марьѣ Андревнѣ, Это ужасно досадно. Пріѣдетъ — станетъ важничать, ломаться.

МЕРИЧЬ.

Что-же вы не женитесь на Варьѣ Андревнѣ?

МИЛАШИНЪ.

Я-съ? По самой простой причинѣ. Намъ будетъ жить нечѣмъ: у меня нѣтъ состоянія, у нея также.

МЕРИЧЬ.

А любовь? съ милымъ рай и въ шалашѣ. Мнѣ кажется, что она васъ любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Можетъ быть, да-съ, можетъ быть. Развѣ вы что-нибудь замѣтили?

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я нарочно, Иванъ Иванычь,—она васъ не любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Почему-же вы такъ думаете?

МЕРИЧЪ.

Я не думаю, а навѣрное знаю. Она мнѣ сама сказывала.

МИЛАШИНЪ.

Это странно, что Марья Андреевна такъ говоритъ. Это обидно даже. Мнѣ, конечно, все равно—любитъ-ли она меня или нѣтъ, я на это никакого вниманія не обращаю. Я самъ къ ней совершенно равнодушенъ. Да зачѣмъ говорить. Этимъ она хочетъ показать, что я за ней ухаживаю. Нѣтъ, ужъ я предоставляю это другимъ.

МЕРИЧЪ.

И прекрасно! И я бы на вашемъ мѣстѣ то-же сдѣлалъ. Однако, это жалко, если она выйдетъ за мужъ: она такая хорошенькая. Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ. Вамъ не жаль?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не жаль.

МЕРИЧЪ.

Софи Барашкова тоже недавно вышла замужъ. Вы ее не знали?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не зналъ.

МЕРИЧЪ.

Мы были очень привязаны другъ къ другу. Вамъ я могу признаться, Иванъ Иванычь, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вотъ посмотрите, какое она мнѣ письмо написала передъ свадьбой. *(Вынимаетъ)*. Хотите прочесть?

МИЛАШИНЪ.

Зачѣмъ-же я буду читать чужія письма?

МЕРИЧЪ.

Какъ хотите! *(Прячетъ опять)*. Я надѣюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна вѣроятно въ комнатахъ — я пойду къ ней. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МИЛАШИНЪ И ХОРЬКОВЪ.

ХОРЬКОВЪ.

Иванъ Иванычь!

МИЛАШИНЪ.

А, вы здѣсь! Я васъ и не замѣтилъ.

ХОРЬКОВЪ.

Что, этотъ Меричъ часто здѣсь бываетъ?

МИЛАШИНЪ.

Прежде рѣдко бывалъ; а теперь опять сталъ каждый день ходить.

ХОРЬКОВЪ.

Это дурно.

МИЛАШИНЪ.

Да вы представьте мое-то положеніе, каждый день ходитъ, чортъ знаетъ за чѣмъ.

ХОРЬКОВЪ.

Да вамъ-то что-жъ?

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, какъ хотите, Михайло Иванычь, это мнѣ ужасно непріятно.

ХОРЬКОВЪ.

Тутъ не объ васъ толкъ. Онъ можетъ имѣть очень дурное вліяніе на Марью Андревну. Я его давно знаю. Онъ еще мальчишкой былъ, самъ къ себѣ письма писывалъ, да хвастался товарищамъ въ пансіонѣ, что отъ барышень получаетъ. Если вы имѣете вліяніе на Марью Андревну, такъ вы ее предостерегите; мнѣ будетъ очень жаль, если она повѣритъ этому пустому человѣку.

МИЛАШИНЪ.

Хорошо, Михайло Иванычь. Покорно васъ благодарю, что вы мнѣ открыли глаза на счетъ этого человѣка; я ей непремѣнно скажу.

ХОРЬКОВЪ.

Да повѣритъ-ли она вамъ?

МИЛАШИНЪ.

Повѣритъ, непремѣнно повѣритъ; она меня очень любитъ.

ХОРЬКОВЪ.

Едва-ли, Иванъ Иванычь! Мнѣ кажется, что она васъ совсѣмъ не любитъ.

МИЛАШИНЪ.

Отъ чего вы такъ думаете,—развѣ я хуже другихъ. Нѣтъ ужъ извините, вы меня не знаете, меня тоже женщины очень любятъ.

ХОРЬКОВЪ.

Ну положимъ, что такъ. Только надо сдѣлать поумнѣе, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы изъ ревности хлопочемъ. Надобно ей показать Мерича съ смѣшной стороны, тогда онъ ей будетъ не опасенъ. Эхъ, не хочется мнѣ съ нимъ связываться-то только, а то бы я его съ разу выгналъ отсюда.

МИЛАШИНЪ.

Хотите, я это сдѣлаю; я буду въ глаза смѣяться надъ нимъ.

ХОРЬКОВЪ.

Изъ этого ничего не выйдетъ; Марья Андревна на васъ разсердится и только. А впрочемъ, что намъ за дѣло, пусть ихъ какъ хотятъ! *(Молчаніе)*. Чудакъ этотъ Меричъ! Мнѣ случайно попалась тетрадка изъ его дневника, да нѣсколько писемъ, которыя онъ писалъ нашей сосѣдкѣ, а та отдавала мужу,— ужъ чего тамъ нѣтъ!

МИЛАШИНЪ.

Одолжите мнѣ этихъ писемъ на время.

ХОРЬКОВЪ.

На что онѣ вамъ? Пожалуй, возьмите.

МИЛАШИНЪ.

Покорно васъ благодарю! *(беретъ его за руку).* Вы меня очень обязали.

ХОРЬКОВЪ.

Да за что вы меня благодарите: я стараюсь объ Марьѣ Андревнѣ, а не объ васъ; потому, что очень люблю ее и принимаю въ ней большое участіе.

МИЛАШИНЪ.

И я люблю....

ХОРЬКОВЪ.

Я вѣрю. Меричъ можетъ очень много вреда сдѣлать Марьѣ Андревнѣ. Онъ человѣкъ совершенно безъ правилъ, безсовѣстный, и проповѣдуетъ дѣвушкамъ безнравственныя начала.

МИЛАШИНЪ.

Да и мнѣ ужасно надоѣлъ: старается очернить меня въ глазахъ Марьи Андревны, мѣшаетъ мнѣ.

ХОРЬКОВЪ.

Пойдемте домой, Иванъ Иванычь,—намъ, кажется, нечего здѣсь дѣлать.

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ нельзя уйдти; мнѣ надобно здѣсь остаться. Марья Андревна пожалуй разсердится, что я ушелъ.

ХОРЬКОВЪ.

Не безпокойтесь, не разсердится: ей теперь не до васъ; нынче Анна Петровна ждетъ какого-то чиновника, котораго она хочетъ просить о своемъ дѣлѣ. Что вы будете здѣсь дѣлать.

МИЛАШИНЪ.

Пожалуй, пойдемте. *(Уходятъ. Съ другой стороны выходятъ Меричъ и Марья Андреевна.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И МЕРИЧЪ.

МЕРИЧЪ.

Прощайте, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Куда вы? мнѣ будетъ скучно одной; посидимте здѣсь немножко. *(Садятся).*

МЕРИЧЪ.

Я слышалъ отъ Милашина, Марья Андревна, что вамъ сватаютъ какого-то жениха.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, Владиміръ Васильичь, поминутно сватаютъ то одного, то другаго.

МЕРИЧЪ.

И вы пойдете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю; но что-же мнѣ дѣлать? вѣдь надо-же выйдти замужъ.

МЕРИЧЪ.

Ну, я съ своей стороны не вижу никакой необходимости; развѣ васъ что-нибудь заставляетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Много причинъ. Вы не знаете нашихъ обстоятельствъ.

МЕРИЧЪ.

Но, Боже мой, неужели это такъ необходимо?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька говоритъ, что необходимо.

МЕРИЧЪ.

Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы дѣлаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться всѣ. Вы не имѣете даже права отнять у насъ это наслажденіе, и на всю жизнь отдаться одному человѣку.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы все шутите.

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, не шучу. Вы разсудите, Марья Андревна, что это а жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни.... Ну, въ дѣлѣ сердца, я бы не послушался маменьки. Для ма-

меньки вы хотите губить свое счастіе и счастіе другихъ. Какой еще вы ребенокъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, еслибъ это счастіе было возможно для меня! А то мнѣ нечего жалѣть, нечего ждать! Меня никто не любитъ, я тоже никого не люблю.

МЕРИЧЪ.

Вы никого не любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Никого.

МЕРИЧЪ.

И васъ никто не любитъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ кажется.

МЕРИЧЪ.

Въ такомъ случаѣ, другое дѣло. — Но все-таки страшно пожертвовать собой разсчетамъ другихъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-жъ дѣлать-то! Я буду выбирать такого человѣка, который, имѣя состояніе, удовлетворялъ бы нѣсколько и моимъ требованіямъ.

МЕРИЧЪ.

Откуда въ васъ такая положительность, такія практическія правила?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нужда научитъ.

МЕРИЧЪ.

Если вы рѣшились, я не хочу поколебать вашей рѣшимости; она дѣлаетъ вамъ честь. Но что, еслибъ вы полюбили кого-нибудь, еслибъ вамъ случилось встрѣтить человѣка, который васъ любитъ пламенно, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, Владиміръ Васильичъ, но едва-ли это случится когда-нибудь.

МЕРИЧЪ *(меланхолическимъ тономъ).*

Теперь, когда ужъ дѣло совсѣмъ кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что, разумѣется, очень похвально, я могу вамъ сказать, что я васъ любилъ, Марья Андревна, любилъ страстно; я васъ до сихъ поръ люблю такъ, какъ никто васъ любить не будетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня не обманываете, Владиміръ Васильичь?

МЕРИЧЪ.

О, нѣтъ, нѣтъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня не обманываете?

МЕРИЧЪ.

Всѣ клятвы, какія я знаю....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не нужно, не нужно... Ахъ, Владиміръ Васильичь! Не обманывайте меня, ради Бога! Вамъ такъ легко меня обмануть,— я сама васъ.... люблю....

МЕРИЧЪ.

Ангелъ мой! я не вѣрю своему счастію... Зачѣмъ же слезы! Марья Андревна! Машенька! Мери! *(Цѣлуетъ руку).* Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ахъ, какъ ты хороша въ эту минуту! Я бы желалъ, чтобы теперь весь свѣтъ тебя видѣлъ съ этими слезами на глазахъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я, кажется, дурно сдѣлала, что призналась вамъ.

МЕРИЧЪ.

Отъ чего-же дурно? Тебѣ совѣстно, что у тебя есть сердце, что ты выше всѣхъ этихъ безчувственныхъ куколъ, которыя хвастаются тѣмъ, что не любили никогда. Я могу оцѣнить твою любовь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я надѣюсь. *(Припадаетъ къ нему).* Ахъ, не смотри на меня, я право такая глупая; я думала, что у меня достанетъ твердости скрыть мою любовь.

МЕРИЧЪ.

Да зачѣмъ-же скрывать ее?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да теперь ужъ конечно незачѣмъ. Напротивъ, теперь я хотѣла бы тебѣ вдругъ открыть свою душу, чтобы ты зналъ, какъ много я люблю тебя.

МЕРИЧЪ.

Зачѣмъ? ты и такъ для меня дороже всего на свѣтѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владиміръ, нѣтъ, ты такъ меня не любишь, какъ я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все. Ты вѣришь моимъ словамъ?

МЕРИЧЪ.

А ты моимъ вѣришь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю: и хочется вѣрить, и боюсь.... Съ твоей стороны будетъ безжалостно обмануть меня.

МЕРИЧЪ.

Къ чему эти черныя мысли! Посмотри, вся природа намъ улыбается. (*Сидятъ нѣсколько времени молча*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, я и забыла: нынче къ намъ хотѣлъ пріѣхать чиновникъ какой-то. Маменька такъ хлопочетъ, велѣла мнѣ одѣться хорошенько.

МЕРИЧЪ.

Ужъ не женихъ-ли какой-нибудь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю, ты, впрочемъ, не безпокойся. Я скажу маменькѣ, что не нравится.... Ужъ какъ-нибудь сдѣлаю.

МЕРИЧЪ.

И скоро будетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я думаю, скоро.

МЕРИЧЪ.

Такъ я пойду, прощай. (*Встаютъ со скамейки*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощай. Когда-же ты придешь? Приходи завтра поутру,— маменьки не будетъ дома.

МЕРИЧЪ (*цѣлуетъ ее*).

Приду, приду. Прощай. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, прислонившись къ дереву*).

Онъ ушелъ! Хорошо ли я сдѣлала? Мнѣ и стыдно и весело. Что, если это только шалость съ его стороны? Боже мой, какъ мнѣ совѣстно за себя! (*Молчаніе*). А если онъ любитъ въ самомъ дѣлѣ? Онъ всегда такой скучный, печальный. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ постоянно обманывался въ женщинахъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось знать, любитъ ли онъ меня.... а я его люблю, очень люблю. Чего я для него не сдѣлаю!... все, все, все.... (*Стоитъ, закрывши лицо платкомъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДАРЬЯ (*входитъ*).

ДАРЬЯ.

О! чтобъ васъ! сбилась съ ногъ нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! гдѣ вы тутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А! Что!

ДАРЬЯ.

Ищу, матушка, засовалась совсѣмъ, какъ угорѣлая кошка. Кто-то пріѣхалъ, маменька васъ спрашиваетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пріѣхалъ! Ахъ, Боже мой!

ДАРЬЯ.

Пойдемте, я вамъ головку причешу, да и платьецо-то бы другое надѣли.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пойдемъ, пойдемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

(Комната перваго дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ X.

ДОБРОТВОРСКІЙ и **БЕНЕВОЛЕНСКІЙ** *(входятъ).*

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте, Максимъ Дорофѣичь, пожалуйте. Признаться сказать, васъ не ждали такъ рано. Поторопились, батюшко, раненько пожаловали. Ну, извѣстно, женское дѣло. Повремените маленичко.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ты говорилъ, что здѣсь есть барышня хорошенькая.— Ты смотри—я вѣдь разборчивъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, какъ-же можно, помилуйте, Максимъ Дорофѣичь. Такая барышня, что генералу взять не совѣстно. Я еще съ папенькой ихнимъ былъ знакомъ....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А хорошо-ли она образована?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Отлично образована.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

То-то-же. Ты вѣдь знаешь меня, Платонъ Маркычь, у меня и состояніе есть, и мѣсто, ну и знакомство. Мнѣ такую невѣсту нужно, чтобы не стыдно было въ люди показать, ну чтобъ и хозяйка въ домѣ была, знаешь, въ этакомъ чепчикѣ, по нынѣшнему, чтобы принять кого-нибудь. Ну чтобы и тонъ этакой свѣтской. Понялъ ты меня?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ не понять! Ужъ конечно, что вамъ за крайность на дурной жениться; сами-то вы ишь какой молодецъ. Ахъ, батюшко, голубчикъ. (*Треплетъ его по спинѣ и потомъ кланяется*).

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну, то-то-же. Что, манишка у меня тутъ вотъ сзади не выбилась?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ-съ, ничего,—въ исправности. Причесаться вамъ развѣ не угодно-ли—вотъ гребеночка.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ *(беретъ и причесывается передъ зеркаломъ)*.

Ну такъ какъ-же, братецъ? ты говоришь, хороша барышня-то?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А вотъ увидите, Максимъ Дорофѣичъ. Что прежде времени говорить, сами посмотрите.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Посмотримъ, братецъ, посмотримъ. А отдадутъ за меня, коли мнѣ понравится?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ, чай, не отдать. Да вѣдь что-жъ такое: попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Хорошо, братецъ, хорошо. (*Садится*). Платонъ Маркычъ! Ты не видалъ у меня дрожки?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Нѣтъ, не видалъ-съ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А вороную, что на пристяжкѣ ходитъ, не видалъ? Вотъ, посмотри! *(Показываетъ въ окно)*. Что, хороша?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ахъ, проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дорофѣичъ. Да вѣдь, чай, некупленая?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Разумѣется.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ну, такъ даровому коню въ зубы не смотрятъ. (*Молчаніе*)

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Послушай, Платонъ Маркычъ, найди мнѣ гдѣ-нибудь органчикъ небольшой.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Извольте, батюшко! На что вамъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Канареекъ учить.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, поищу.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Поищи. *(Вынимаетъ табакерку, нюхаетъ).* Хочешь?

ДОБРОТВОРСКІЙ *(нюхаетъ, потомъ беретъ табакерку и взвышиваетъ то на одной, то на другой рукѣ).*

Вещичка-то хорошая! Гдѣ изволили пріобрѣсть?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Такъ, нечаянно хорошій человѣкъ набѣжалъ. Да не помнишь-ли ты, было у насъ дѣло купца Пересемкина съ малолѣтными наслѣдниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующаго Сената, и возвращено для справокъ....

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Честь имѣю представиться. Коллежскій секретарь Беневоленскій.

АННА ПЕТРОВНА.

Очень пріятно познакомиться. Милости просимъ садиться. Служить изволите-съ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Какъ-же, служу-съ съ 838 года. Я вамъ скажу,—я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человѣкъ усердный, съ подчиненными строгъ.

АННА ПЕТРОВНА.

И родство имѣете здѣсь въ Москвѣ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, совершенно никого-съ.

АННА ПЕТРОВНА.

Я думаю вамъ.... (*къ Добротворскому*). Какъ, бишь, Платонъ Маркычь, я все забываю.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Максимъ Дорофѣичь.

АННА ПЕТРОВНА.

Памяти нѣтъ совсѣмъ, Максимъ Дорофѣичь; вотъ что ты будешь дѣлать, право. Я думаю, вамъ, Максимъ Дорофѣичь, скучно. Я вотъ по себѣ сужу, дѣло женское, сами знаете.... Еще при покойникѣ-то было туда-сюда: ну знакомство все этакое; а теперь просто не знаю, что дѣлать.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я съ вами, сударыня, согласенъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ процессъ теперь. Какъ это безъ мущины; пожалуй проиграешь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А позвольте узнать, въ чемъ состоитъ ваше дѣло?

АННА ПЕТРОВНА.

Я ужъ и не запомню всего-то, еще пожалуй переврy; а вотъ ужъ вамъ Платонъ Маркычь разскажетъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Вникните, батюшко, Максимъ Дорофѣичь, вникните!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Хорошо, я посмотрю. Если можно что-нибудь, сударыня, сдѣлать, такъ сдѣлаемъ: а если нельзя, такъ не взыщите—наше дѣло такое. Конечно, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ, но я вамъ доложу, нынче на счетъ этого очень строго.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Точно, матушка, строго. Это они правду говорятъ. Строгости пошли. Это такъ точно.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите, пожалуйста.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нынче ужъ держи ухо востро. Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, чтобы грѣшковъ

не было; того гляди подъ судъ отдадутъ, выгонятъ изъ службы, куда дѣнешься. Ну, хорошо я холостой человѣкъ; а другой женатый.

АННА ПЕТРОВНА.

А вы не намѣрены обзавестись семействомъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это вопросъ, сударыня, очень важный въ жизни, особенно въ моей. Я имѣю состояніе, всего у меня много, своихъ лошадей держу. Кабы посмотрѣли, какую я квартиру занимаю; вонъ Платонъ Маркычь видѣлъ. Ты видѣлъ, Платонъ Маркычь, квартиру?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, видѣлъ-съ. Квартира отличная.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Слѣдовательно, чего-же я долженъ искать, я васъ спрашиваю?

АННА ПЕТРОВНА.

Подругу жизни, Максимъ Дорофѣичь, я такъ думаю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я съ вами согласенъ, сударыня. Но, сколько мнѣ извѣстно, всякая жена есть подруга жизни. Я долженъ преимущественно искать хозяйку. Мое дѣло пріобрѣтать всѣми силами, а ея дѣло хозяйничать. У меня порядку нѣтъ въ домѣ; вѣдь пожалуй и растащатъ у холостаго человѣка. Все можетъ случиться.

АННА ПЕТРОВНА.

Что мудренаго, Максимъ Дорофѣичь.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Мудрено-ли, долго-ли до грѣха. Это точно.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я желалъ-бы, чтобъ недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было въ люди показаться, выѣхать куда нибудь. Хотя у насъ знакомство и не важное, все больше мелкіе чиновники; но все-таки, знаете-ли, я вамъ скажу откровенно, пріятно имѣть красивую и образованную жену. А главное—мнѣ нужно хозяйку.

АННА ПЕТРОВНА.

Вы справедливо разсуждаете, Максимъ Дорофѣичъ; но, можетъ быть, вы захотите также большаго приданаго.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я! Нѣтъ-съ, я не того ищу. Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, по незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтѣ. А есть невѣсты благородныя и образованныя, но бѣдныя,—и для нихъ-то, я вамъ безъ гордости скажу, такой женихъ, какъ я—находка.

АННА ПЕТРОВНА.

Я съ вами согласна, Максимъ Дорофѣичъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Разумѣется, я красотой не могу похвалиться; образованіе я тоже получилъ, сказать вамъ по простонародному выраженію, на мѣдныя деньги: но я видѣлъ людей, не конфужусь въ обществѣ, и могу сказать, что очень развязенъ даже съ дамами. Теперь я васъ спрошу, что такое красота въ мужчинѣ?—послѣднее дѣло.

АННА ПЕТРОВНА.

Это одна глупость, Максимъ Дорофѣичъ.... такъ, фантазіи.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Умная дѣвушка не обратитъ вниманія на красоту; для нея довольно, чтобы мужчина былъ уменъ, ну тамъ....одѣтъ порядочно....

АННА ПЕТРОВНА.

Не пьющій.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Конечно....А знаете-ли, сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Маркычь, объ этомъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ничего, сударыня, Анна Петровна; мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ-бы добрый человѣкъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну какъ-же, Платонъ Маркычь. Развѣ ужъ изрѣдка; а то какъ-же?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Въ женщинѣ это порокъ, я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человѣкъ; долженъ же онъ имѣть какое-нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе. (*Молчаніе*). Такъ вотъ, сударыня, я какое мнѣніе имѣю на счетъ женитьбы. Впрочемъ, мнѣ еще торопиться некуда, я могу выбрать невѣсту совершенно по моему желанію.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Куда вамъ торопиться, что вамъ за крайность?

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*входитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Дочь моя, Машенька! Максимъ Дорофѣичъ Беневоленской!...

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень пріятно познакомиться. (*Подходитъ къ рукѣ, потомъ садится рядомъ очень развязно*). Вы, я слышалъ, очень любите музыку?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Иногда отъ скуки играю.

АННА ПЕТРОВНА.

Неправда, неправда: все сидитъ за фортепьянами, никакъ не оттонишь. Что бишь ты, Маша, играешь-то такъ часто, я все позабываю?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Право не знаю—я много играю.

АННА ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, вотъ это, что ты еще нынче играла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Изъ Роберта-Дьявола—Grace.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, да. (*Тихо*). Будь поразвязнѣе.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вообразите, я никогда не видалъ этой оперы; говорятъ, очень хорошая музыка. Какъ-то разъ собрались компаніей, да и то не попали.

АННА ПЕТРОВНА.

Какъ-же это?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень просто. Мы прямо изъ присутствія зашли обѣдать въ трактиръ, чтобы оттуда отправиться въ театръ. Ну, люди молодые, про театръ-то и позабыли; такъ и просидѣли въ трактирѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(тихо)*.

Это ужасно!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я самъ тоже люблю музыку; но, къ несчастію, я не играю ни на одномъ инструментѣ, да дѣловому человѣку это и ненужно. Игралъ прежде на гитарѣ, да и то бросилъ—некогда, совершенно некогда.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(про себя)*.

О Господи!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вы, можетъ быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читаютъ; еще въ пансіонахъ начинаютъ читать потихоньку отъ надзирательницы.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я читаю кой-что. А вы?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я совершенно отсталъ; прежде читалъ, а теперь, знаете-ли дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Что это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофѣичу; у него и безъ того дѣла много, безъ этихъ глупостей.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Что-же нынче пишутъ, скажите?

АННА ПЕТРОВНА.

Богъ знаетъ, что пишутъ, чего никогда не бываетъ—одни фантазіи.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Именно, сударыня, фантазіи. Такъ—мечта.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вѣроятно, больше все про любовь пишутъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Какая любовь! Все глупости, никогда этаго не бываетъ. Чайку, Максимъ Дорофѣичь, не угодно-ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю—я до него совсѣмъ не охотникъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что, сударыня, за чай; не такіе мы гости, чтобъ чай пить. А вы велите-ко закусочку подать, такъ мы, съ Максимомъ Дорофѣичемъ, по рюмочкѣ бы выпили.

АННА ПЕТРОВНА.

Сей-часъ, батюшко, сей-часъ. Извините меня, я васъ оставляю на минуточку. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ АННЫ ПЕТРОВНЫ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это ты не дурно выдумалъ, Платонъ Маркычь. *(Вынимаетъ часы. Къ Марьѣ Андреевнѣ).* Я обыкновенно въ это время водку пью, такую ужъ привычку сдѣлалъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хе, хе, хе! А то что за чай! Что мы дѣти что-ль маленькія?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ваша маменька объ любви разсуждаетъ, какъ старый человѣкъ; я имъ не хотѣлъ противорѣчить, потому что понимаю уваженіе къ старшимъ. А я совсѣмъ противнаго мнѣнія объ любви; я самъ имѣю сердце нѣжное, способное къ любви; только у насъ дѣлъ очень много, вы не повѣрите, намъ подумать объ этомъ некогда. (*Смотритъ на нее нѣжно*). Какія вы конфекты любите?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я никакихъ не люблю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Не можетъ быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтобъ я угадалъ вашъ вкусъ. Позвольте мнѣ привезти вамъ въ слѣдующій разъ. Платонъ Маркычь! какія Марья Андревна конфекты любятъ, онѣ не сказываютъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не знаю-съ; надо у маменьки спросить.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А вотъ мы спросимъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста не безпокойтесь; я не хочу никакихъ конфектъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну ужъ какъ вамъ угодно, а я все-таки привезу.— Позвольте васъ попросить съиграть что-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я право ничего не играю.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Сдѣлайте одолженіе, я стану на колѣняхъ просить васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ нѣтъ, зачѣмъ-же? Извольте. (*Садится къ фортепьянамъ, беретъ нѣсколько аккордовъ и начинаетъ играть*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТЪ-ЖЕ, АННА ПЕТРОВНА и ДАРЬЯ (*вноситъ закуску и ставитъ ее на столъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Не угодно-ли, Максимъ Дорофѣичь; пожалуйте безъ церемоніи.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Не безпокойтесь.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Съ васъ начинать. (*Наливаетъ*). Пожалуйте.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

(*Пьетъ, потомъ закусываетъ, и, еще не прожевавши, подходитъ къ фортепьянамъ и начинаетъ подпѣвать. Марья Андреевна оборачивается и взглядываетъ на него вопросительно*). Не въ тонъ взялъ.... Сдѣлайте милость, продолжайте.

АННА ПЕТРОВНА.

Играй, Машенька.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Марья Андревна отмѣнно играютъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Очень проворно. У меня былъ товарищь, онъ былъ регентомъ въ пѣвчихъ, такъ онъ на фортепьянахъ все, что вамъ угодно, самоучкой игралъ по слуху; только проворства въ пальцахъ нѣтъ; ну вотъ, что вы хотите, нѣтъ проворства.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не повторить-ли, Максимъ Дорофѣичь? Какъ это говорится-то: репетиція....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Est mater studiorum. Да, это правда. Налей.

ДОБРОТВОРСКІЙ (*наливаетъ*).

Пожалуйте—готово-съ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*пьетъ и закусываетъ*).

Прекрасный балыкъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ не знаю, Максимъ Дорофѣичь, коли не обманулъ купецъ, такъ хорошъ. Вездѣ все сама. Дѣло женское, сами знаете, долго-ли обмануть? Безъ мужчины въ этомъ дѣлѣ никакъ нельзя. Какъ это безъ мужчины, посудите сами.

ДОБРОТВОРСКІЙ (*отводитъ къ сторонѣ Беневоленскаго и говоритъ тихо*).

Ну, батюшко, Максимъ Дорофѣичь, какъ вамъ наша барышня показалась?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Послушай ты, Платонъ Маркычь, довольно съ тебя этого: я влюбленъ. Я дѣловой человѣкъ, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотникъ; но я тебѣ говорю: я влюбленъ. Кажется, этаго довольно. (*Подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и опять подпѣваетъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*Добротворскому*).

Что онъ вамъ говорилъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Говоритъ: влюбленъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Влюбленъ, говоритъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну и слава Богу. Подчуйте его, отецъ мой, хорошенько.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, сударыня, хорошо. Максимъ Дорофѣичь, винца не угодно-ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Налей.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*перестаетъ играть и остается на стулѣ*).

Я устала.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Чувствительно вамъ благодаренъ. Вы прекрасно играете, главное—нигдѣ не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сби-

ваются. (*Смотритъ на часы*). Извините меня, Анна Петровна, мнѣ пора; у меня дѣла много; я вѣдь человѣкъ дѣловой. Позвольте мнѣ выпить рюмку вина и проститься съ вами. (*Подходитъ къ столу и пьетъ*). Ты со мной, что-ли, Платонъ Маркычь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Съ вами, Максимъ Дорофѣичь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну поѣдемъ, я тебя довезу.

АННА ПЕТРОВНА.

Да вы бы, Максимъ Дорофѣичь, закусили чего-нибудь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я вышью еще рюмку вина, и имѣю честь откланяться. (*Пьетъ и раскланивается, подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и цѣлуетъ руку*). До пріятнаго свиданія: вы мнѣ вѣроятно позволите еще разъ посѣтить васъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Сдѣлайте милость, мы очень будемъ рады.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А ужъ конфектъ привезу, непремѣнно привезу. (*Уходитъ съ Добротворскимъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Какой человѣкъ-то, Машенька, чудо просто!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что это замука! (*Убѣгаетъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька! Машенька! куда ты? постой! Ну вотъ теперь поди разговаривай съ ней. Эко наказаніе!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Комната 1-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ 1.

АННА ПЕТРОВНА *(входитъ, въ салопѣ, съ большимъ ридикюлемъ; за ней)* **МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.**

АННА ПЕТРОВНА *(садится на стулъ подлѣ двери).*

Не позабыть-бы чего! Сначала въ городъ.... ты все записала, что купить-то надо?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Все, маменька.

АННА ПЕТРОВНА.

Гдѣ бишь записочка-то; постой! Да, въ ридикюлѣ. Такъ сначала въ городъ; потомъ въ судъ зайдти, объ дѣлѣ справиться. Еще чего не надо-ли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, ничего. Ступайте, маменька, скорѣй; а то опоздаете.

АННА ПЕТРОВНА.

Прощай, Богъ съ тобой! *(Идетъ, потомъ возвращается).* Скажи Дарьѣ, чтобы безъ меня никого не принимать, особенно изъ молодежи; ты теперь невѣста, за тебя женихи сватаются. Что хорошаго, еще какой-нибудь разговоръ пойдетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорѣй.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну прощай. Я скоро буду. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна).*

Насилу-то ушла; а ужъ я боялась, что Владиміръ придетъ при ней.... Знаетъ-ли Владиміръ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его?... *(садится къ окну).* Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.... Что-же это онъ нейдетъ?... Я измучаюсь отъ нетерпѣнія... Однако хорошо-ли я сдѣлала что велѣла ему сегодня придти—мы будемъ одни. *(Молчаніе).* Еслибъ можно было знать будущее, какъ бы я желала узнать, чѣмъ кончится наша любовь. А впрочемъ, что мнѣ за дѣло,

чѣмъ это кончится—мнѣ теперь хорошо: я люблю его, онъ меня любитъ; а тамъ будь, что будетъ. Кто-то идетъ! Не онъ-ли? *(Бѣжитъ къ двери).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МИЛАШИНЪ *(входитъ)*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы зачѣмъ?

МИЛАШИНЪ.

Какъ, зачѣмъ! Я къ вамъ пришелъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменьки нѣтъ дома, она не велѣла никого принимать безъ себя.

МИЛАШИНЪ.

Полноте шутить-то.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я совсѣмъ не шучу, право маменька не велѣла никого пускать.

МИЛАШИНЪ.

Ну, я вашей маменьки не послушаюсь; но, быть можетъ, вамъ самимъ не угодно, чтобы я здѣсь оставался.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, а если мнѣ не угодно.

МИЛАШИНЪ.

Въ такомъ случаѣ, я уйду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну и прощайте.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте. Однако, позвольте мнѣ, покрайней мѣрѣ, узнать, отъ чего вы меня гоните.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Ну да такъ, изъ капризу. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

МИЛАШИНЪ.

Какъ-же я смѣю не исполнить!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ ступайте.

МИЛАШИНЪ.

И пойду, что̀ вы безпокоитесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А сами ни съ мѣста.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь это странно; вдругъ ни съ того, ни съ сего вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это вѣдь досадно

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну оставайтесь, пожалуй; я уйду въ свою комнату; а вы сидите здѣсь одни. *(Молчаніе)*. Такъ вы и не уйдете?

МИЛАШИНЪ.

Уйду-съ.... Я вѣдь къ вамъ нынче за дѣломъ пришелъ. *(Марья Андреевна сидитъ, отвернувшись къ окну)*. Вы меня не слушаете; а это дѣло касается васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что еще такое?

МИЛАШИНЪ.

Я хотѣлъ вамъ открыть глаза на счетъ одного человѣка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То-есть вы сплетничать пришли. Такъ это можно сдѣлать въ другой разъ, когда-нибудь на досугѣ.

МИЛАШИНЪ.

Нѣтъ, не сплетничать, а я хотѣлъ только предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ другой разъ, Иванъ Иванычь, пожалуйста въ другой разъ; ужо приходите.

МИЛАШИНЪ.

Да вѣдь только десять словъ, Марья Андревна. Я узналъ про одного человѣка очень хорошія вещи.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(въ сторону)*

Это наказаніе. *(Милашину)*. Про кого же?

МИЛАШИНЪ.

Про Мерича....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не разсказывайте мнѣ, пожалуйста, я всѐ знаю. *(Въ сторону)*. Мерзавецъ, выдумалъ что-нибудь про него.

МИЛАШИНЪ.

И прекрасно, что вы знаете, мнѣ только этого и хотѣлось. Каковъ! Какимъ прикидывается!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, да; ужасный человѣкъ!

МИЛАШИНЪ.

Ничего нѣтъ ужаснаго. Просто смѣшонъ, мальчишка. Надъ всѣми его штуками смѣяться нужно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну да, смѣшонъ. Иванъ Иванычь, вы меня любите?

МИЛАШИНЪ.

Люблю, Марья Андреевна, ей-Богу, люблю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдѣлайте для меня одно одолженіе.

МИЛАШИНЪ.

Все, что вамъ угодно; я для васъ готовъ жизнію пожертвовать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Должно быть на словахъ только? Я цѣлый часъ прошу васъ уйдти, а вы все ни съ мѣста.

МИЛАШИНЪ.

Сей-часъ, сей-часъ. (*Беретъ шляпу*). Прощайте! (*Идетъ, потомъ возвращается*). Марья Андреевна! умоляю васъ, скажите, зачѣмъ вамъ хочется одной остаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Иванъ Иванычь, мы поссоримся.

МИЛАШИНЪ.

Виноватъ, виноватъ. (*Нѣсколько времени стоитъ*). Позвольте вашу ручку поцѣловать на прощанье.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ удовольствіемъ.

МИЛАШИНЪ (*цѣлуетъ, потомъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна)*.

Наконецъ-то ушелъ. Бѣдный Владиміръ! Какой-нибудь Милашинъ смѣетъ разсказывать про него, разсуждать объ его поступкахъ.... Это ужасно! Онъ, бѣдный, нигдѣ не находитъ сочувствія. Отъ того, что онъ выше всѣхъ стоитъ, ему душно въ этомъ обществѣ—ему всѣ завидуютъ. Я такъ его люблю въ эту минуту, что кажется всѣмъ бы для него пожертвовала. *(Задумывается)*. Однако что-же онъ нейдетъ. (*Садится у окна и смотритъ*). Это кажется онъ! Брошусь ему на шею прямо, ни объ чемъ не думая. (*Отходитъ на середину комнаты. Входитъ Меричъ. Она робко подходитъ къ нему*).

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ я рада. Какъ я ждала тебя, Владиміръ!

МЕРИЧЪ.

Мы одни?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Одни. (*Меричъ цѣлуетъ ее*). Ахъ, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашнаго дня — ты не повѣришь. Мнѣ хочется пересказать тебѣ это поскорѣй, поскорѣй — я боюсь забыть.

МЕРИЧЪ.

Что-же такое ты перечувствовала?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты, можетъ быть, будешь смѣяться,—смѣйся пожалуй. Пойдемъ, сядемъ къ окну, оттуда видно будетъ, какъ маменька пойдетъ.

МЕРИЧЪ.

А ты меня поцѣлуешь еще разикъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Хоть десять разъ, только поговоримъ немножко о моемъ положеніи.

МЕРИЧЪ.

Ну поговоримъ; что-же ты мнѣ будешь разсказывать?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я тебѣ хотѣла много, много сказать. Вчерашнее наше свиданіе такъ было коротко, такъ много я думала о тебѣ вчера вечеромъ, ночью, нынче поутру. А теперь я такъ взволнована; мнѣ кажется, я ужъ все позабыла.

МЕРИЧЪ.

Ну и хорошо, что позабыла.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, вообрази, Владиміръ! Вчера вдругъ явился какой-то уродъ, говорилъ объ музыкѣ, объ литературѣ, хотѣлъ мнѣ конфектъ привезть. Каково было мое положеніе! Препротивный; маменька за нимъ ухаживаетъ.... Да ты меня не слушаешь.

МЕРИЧЪ.

Я гляжу на твои глазки. Какіе они у тебя хорошенькіе. Такъ и хочется поцѣловать. Я помню другіе такіе глазки... Она умерла, бѣдная женщина. Ну да что толковать о прошедшемъ: будемъ пользоваться настоящимъ. Ахъ, Мери, много я пережилъ.... я боюсь, хватитъ-ли у меня силъ, чтобъ отвѣчать твоей дѣтской любви. Еслибъ я встрѣтилъ тебя, Мери, года два тому назадъ!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да ты выслушай, ради Бога.

МЕРИЧЪ.

Хорошо, хорошо—слушаю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не успѣла еще я опомниться отъ твоего поцѣлуя *(закрываетъ глаза руками, Меричъ ее цѣлуетъ)*.... пріѣхалъ этотъ Беневоленскій. Онъ грубъ, необразованъ—просто ужасъ.

МЕРИЧЪ.

Мери! вѣдь это скучная матерія. Зачѣмъ намъ на эти пустяки терять драгоцѣнное время?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какъ-же мнѣ быть съ этимъ Беневоленскимъ, я просто его боюсь.

МЕРИЧЪ.

Стóитъ объ этомъ думать! Тебѣ что за дѣло до этого Беневоленскаго?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А маменька-то! Какъ-же мнѣ быть съ маменькой-то? Ахъ, Владиміръ, ты многаго не знаешь и не хочешь слушать.

МЕРИЧЪ.

Что мнѣ знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь; а если ты меня любишь, то я не думаю, чтобъ ты, изъ угожденія маменькѣ, пошла за Беневоленскаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Но все-таки я въ очень неловкомъ положеніи. Посовѣтуй, что̀ мнѣ дѣлать. *(Меричъ цѣлуетъ ее въ плечо).* Ахъ, Владиміръ, кабы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, а ты все съ нѣжностями.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Боже мой, Мери, я люблю тебя, я радъ случаю, что засталъ тебя одну; а ты мнѣ разсказываешь про маменьку, про жениховъ какихъ-то; да какое мнѣ дѣло до нихъ? *(Цѣлуетъ опять въ плечо).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(уклоняется отъ него).*

Тебѣ, кажется, и до меня нѣтъ никакого дѣла; потому что ты не хочешь войдти въ мое положеніе. Богъ съ тобой!

МЕРИЧЪ.

Ты сердишься! и это любовь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? *(Плачетъ).*

МЕРИЧЪ.

Вотъ и слезы! Раненько! *(Садится на стулъ).* Впрочемъ, я такъ и думалъ! Это ужъ обыкновенная исторія! Вотъ любовь-то ваша. Сначала признанія, страстность; а потомъ либо папенька, либо маменька—или тамъ женихъ какой-нибудь. *(Молчаніе).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! ты сердишься?

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я ужъ привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня, Мери? Я ужъ и такъ измученъ жизнію, а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты неотравленнаго удовольствія.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не сердись, Владиміръ.... Помиримся. (*Цѣлуетъ его*). Мало тебѣ этого?

МЕРИЧЪ.

Очень мало. (*Марья Андреевна цѣлуетъ его еще нѣсколько разъ*). Смѣлѣй, Мери, смѣлѣй! Вотъ теперь я вижу, что ты умная дѣвушка. Ахъ, Мери, я вспомнилъ одну женщину;—вотъ это была любовь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ же ты мнѣ это говоришь? Ты думаешь, мнѣ это пріятно слышать?

МЕРИЧЪ.

Что-жъ это? Ревность! Ты развѣ ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивыхъ женщинъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, это не ревность; а мнѣ обидно, что ты говоришь о другихъ женщинахъ въ то время, когда я къ тебѣ ласкаюсь. Ты и про меня также станешь разсказывать?

МЕРИЧЪ.

За кого-же ты меня принимаешь! Нѣтъ, Мери, мнѣ ужъ некого больше любить. Поцѣлуй меня, Мери!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Довольно, Владиміръ, довольно. Лучше поговоримъ о чемъ-нибудь.

МЕРИЧЪ (*садится рядомъ съ ней и обнимаетъ ее*).

О чемъ говорить? о чемъ говорить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*проворно взглядываетъ въ окно*).

Ахъ! маменька!...

МЕРИЧЪ (*вставая со стула*).

Въ самомъ дѣлѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*смѣется*).

Нѣтъ, я нарочно, только, чтобы ты сѣлъ подальше. Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ, сядь подальше, да поговоримъ. Мнѣ такъ хочется поговорить съ тобой.

МЕРИЧЪ (*разсѣянно*).

Въ слѣдующій разъ я тебѣ принесу свой дневникъ, мы его почитаемъ вмѣстѣ, а теперь, знаешь-ли что?—Пойдемъ въ садъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ можно, того и гляди маменька придетъ.

МЕРИЧЪ.

А скоро она придетъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я думаю, скоро.

МЕРИЧЪ.

Такъ прощай.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Тебѣ ужъ скучно стало; не правда ли? тебѣ скучно? Какой ты, Владиміръ! Кабы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя! Какое мнѣ наслажденіе тебя видѣть! А ты десяти минутъ не хочешь посидѣть со мной.

МЕРИЧЪ.

Я боюсь, что Анна Петровна меня здѣсь застанетъ; тебѣ же будутъ непріятности.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну что-жъ! она побранитъ меня, да и все тутъ.

МЕРИЧЪ.

Вѣдь и мнѣ тоже достанется. А впрочемъ, у меня есть дѣло необходимое; я, пожалуй, минутъ десять побуду, а больше нельзя. (*Садится подлѣ нея*). Я готовъ всю жизнь сидѣть съ тобой и любоваться на тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты, кажется, опять ужъ очень близко ко мнѣ.

МЕРИЧЪ.

Какія вы всѣ странныя: уйди отъ васъ, вы сердитесь;

очень близко къ вамъ, вамъ тоже непріятно. Выбирай изъ двухъ: или уйдти, или сидѣть подлѣ тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Останься, только съ уговоромъ: посиди подольше.

МЕРИЧЪ.

Изволь, изволь. (*Обнимаетъ ее. Сидятъ нѣсколько времени молча*). Погоди, мой другъ, Мери, придетъ время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Зачѣмъ же ты спрашиваешь?

МЕРИЧЪ.

А можетъ быть тебя не отдадутъ за меня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ вздоръ какой!

МЕРИЧЪ.

Впрочемъ, мнѣ надобно устроить кой-какія дѣла свои — и тогда, Мери, тогда.... мы съ тобой заживемъ славно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да только сбудется-ли это?

МЕРИЧЪ.

Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какія обстоятельства.... не отдадутъ тебя, я увезу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька идетъ!

МЕРИЧЪ.

Куда-жъ мнѣ теперь дѣться? вѣдь я ей навстрѣчу попадусь. Мнѣ бы этого не хотѣлось.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ступай черезъ садъ.

МЕРИЧЪ.

Прощай. (*Цѣлуетъ ее*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощай! Когда-же?

МЕРИЧЪ.

Скоро, скоро.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Приходи поскорѣй! (*Меричъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, садится за работу*).

Боже мой, какъ я счастлива! Я не могу опомниться. Теперь для меня не страшна жизнь. Что-бъ не дѣлалось вокругъ меня,—у меня есть надежда.

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*сидитъ задумавшись*), ДОБРОТВОРСКІЙ и АННА ПЕТРОВНА (*входятъ*), ДАРЬЯ (*снимаетъ салопъ и уходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*садится*).

Что-же намъ теперь дѣлать-то, Платонъ Маркычь?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что дѣлать-то, сударыня,—Божья воля! Въ отчаяніе только приходить не надо.

АННА ПЕТРОВНА.

Куда я теперь дѣнусь съ дочерью-то? Посудите, Платонъ Маркычь, что я знаю, что я умѣю; ужъ и до этого-то горя я не знала, что дѣлать; а теперь вовсе дура сдѣлалась. Посовѣтуйте.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое, маменька, сдѣлалось?

АННА ПЕТРОВНА.

А то, что вотъ мы съ тобой нищія теперь. Дѣло-то наше проиграно, домъ-то отнимутъ, да еще взысканіе положено.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какое несчастіе!

АННА ПЕТРОВНА.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычь? Посовѣтуйте.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что я вамъ могу, сударыня, посовѣтовать?—ничего не могу. Вотъ хоть теперича прикажите меня казнить, ничего

не выдумаю. Состарѣлся, поглупѣлъ. Дѣлецъ былъ, Анна Петровна!... Что-жъ дѣлать-то? вотъ ужъ и оглохъ совсѣмъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Да вы все-таки мужчина; а я и ума не приложу: женщина я слабая, сырая,—да и памяти совсѣмъ нѣтъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какой ужъ я мужчина. Эхъ, эхъ! Вотъ такъ-то и всегда бываетъ: не ждали, не чаяли, а тутъ вдругъ этакое несчастіе. Ахъ ты Господи Боже мой! (*Качаетъ головой*).

АННА ПЕТРОВНА.

Эко горе-то, Платонъ Маркычь, мнѣ на старости лѣтъ-то! Одна-то-одинешенька, безъ мужчины.... Вонъ еще обуза-то; не знаю, какъ съ рукъ сбыть.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Точно, сударыня, точно; ужъ что говорить.

АННА ПЕТРОВНА.

Да ужъ горюй не горюй—этимъ не поможешь.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не поможешь.

АННА ПЕТРОВНА.

Хлопотать надо какъ-нибудь; говорятъ, въ Сенатъ надо жалобу подавать.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Надо, сударыня, непремѣнно надо; какъ-же можно не хлопотать.

АННА ПЕТРОВНА.

Знакомыхъ-то у меня нѣтъ, попросить-то некого.

ДОБРОТВОРСКІЙ

Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станетъ! Попросить, такъ надо денегъ дать.

АННА ПЕТРОВНА.

Поищите, Платонъ Маркычь, нѣтъ-ли у васъ кого изъ знакомыхъ, чтобы дѣлами-то занимался.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да ужъ кромѣ Максима Дорофѣича некого просить.

АННА ПЕТРОВНА.

Вотъ и прекрасно! Онъ вчера съ вами говорилъ что-нибудь, какъ отъ насъ-то поѣхалъ?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, говорилъ-съ. Онъ говоритъ: коли отдадутъ Марью Андревну, такъ я хлопотать стану. Это дѣло еще можно исправить. Мнѣ, говоритъ, Марья Андревна очень нравится; мнѣ, говоритъ, лучше и не надо; узнай, какъ ихъ расположеніе; а я, говоритъ, хоть сей-часъ готовъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ вы до сихъ поръ молчали?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Извините, сударыня, совсѣмъ изъ ума вонъ, а теперь вотъ къ слову пришлось, и сказалъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Слышишь, Машенька!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Ты Максиму Дорофѣичу очень понравилась.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень рада.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну и слава Богу, что рада—онъ предложеніе дѣлаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ни за что на свѣтѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты никакъ съ ума сошла, какъ я погляжу на тебя. Развѣ ты не видишь, что намъ теперь больше дѣлать нечего; не по міру же намъ идти.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленскаго, я про него и слышать не хочу.

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты! что ты! Ты опомнись— вѣдь не десятки жени-

ховъ-то у тебя, выбирать-то не изъ кого; не сотни тысячъ за тобой, чтобъ такими женихами брезгать: такого-то жениха намъ съ тобою и не дождаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ради Бога, маменька, не говорите мнѣ про Беневоленскаго.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты дура совсѣмъ, я вижу. Да что съ ней толковать, у нее еще все вѣтеръ въ головѣ; она и сама не знаетъ, что говоритъ.... Неужто ея глупости слушать? Скажите, Платонъ Маркычь, Максиму Дорофѣичу, что мы очень рады; чтобы онъ формальное предложеніе сдѣлалъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, сударыня, нынче же скажу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*быстро встаетъ со стула*).

Что вы дѣлаете! Платонъ Маркычь! не ходите къ Беневоленскому! Онъ мнѣ не нравится, онъ мнѣ противенъ. Я не пойду за него ни за какія сокровища.

АННА ПЕТРОВНА.

Что вы ее слушаете, все вздоръ болтаетъ. Я ужъ и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Дѣлайте, какъ я вамъ говорю, что ее слушать; она еще одумается двадцать разъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не стану ничего говорить; дѣлайте, что хотите, только я не пойду за Беневоленскаго.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не пойдешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не пойду.

АННА ПЕТРОВНА.

А мнѣ кажется, что это только капризъ у тебя; только чтобъ матери напротивъ что-нибудь сдѣлать. Тебѣ меня только разстроить хочется. А ты пожалѣй меня на старости лѣтъ; ты видишь, я и такъ насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тутъ этакой ударъ — послѣднее состояніе отнимаютъ.

Вотъ, говорятъ, въ Сенатъ надо жалобу подать; а кто напишетъ-то! мы, что-ли съ тобой? Такъ мы и аза въ глаза не знаемъ. Коли Максимъ Дорофѣичь не возмется, такъ вѣдь мы нищіе будемъ; понимаешь-ли ты это? А что ему за радость браться за дѣло, коли ты отъ него свою физіономію-то отворачиваешь. Коли ты объ себѣ-то не хочешь подумать, такъ ты хоть мать-то пожалѣй. Куда я дѣнусь на старости лѣтъ— я женщина слабая, сырая, ужъ и теперь насилу ноги таскаю. Въ кухарки мнѣ, что-ли, идти?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Господи! Что-жъ мнѣ дѣлать!

АННА ПЕТРОВНА.

Матери послушайся.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Маменьки надо послушаться, матушка барышня.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ! что хотите со мною дѣлайте, я не могу.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Переломите себя какъ-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не могу, не могу, не могу....

АННА ПЕТРОВНА.

Оставьте ее, Платонъ Маркычь! Богъ съ ней!... Каково мнѣ, Платонъ Маркычь, это видѣть, матери-то, старухѣ-то! (*Плачетъ*). Батюшки! гдѣ платокъ-то! Такъ и есть—потеряла въ городѣ, еще и съ деньгами.... Одно къ одному. А! да гори все прахомъ — ничего мнѣ не нужно, коли ужъ дочь родная объ моемъ горѣ и подумать не хочетъ. Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой. Вотъ выростила на свою голову.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька, что вы говорите! За что вы меня терзаете?

АННА ПЕТРОВНА.

А ты слушайся матери! Ты думаешь мнѣ легко съ тобой разговаривать.... Иногда что и скажешь, у меня сердце слабое, женское.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька! онъ мнѣ очень не нравится. Я все для васъ готова, все, что вамъ угодно; только не принуждайте меня за-мужъ идти; я не хочу за-мужъ. Я не пойду ни за кого.

АННА ПЕТРОВНА.

Скажите, пожалуйста, Платонъ Маркычь, она совсѣмъ сумасшедшая. Вѣдь ты не понимаешь, что говоришь! Ну можно-ли этакую вещь сказать: не пойду за-мужъ! Это все только фантазіи. Очень интересно быть старой дѣвкой! А мнѣ-то что-жъ, въ богадѣльню что-ль идти! Во первыхъ ты, коли любишь мать, должна выйдти за-мужъ, а во вторыхъ, потому что такъ нужно. Что такое не замужняя женщина? — ничего! что она значитъ! Ужъ и вдовье-то дѣло плохо, а дѣвичье-то ужъ и совсѣмъ нехорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что-жъ будешь дѣлать-то старой дѣвкой! чулокъ вязать! Подумала-ли ты объ этомъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, я объ этомъ не думала.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну поди сюда, сядь подлѣ меня! Поговоримъ съ тобой хорошенько. Я сердиться не буду. (*Марья Андреевна садится подлѣ нея*). Выслушай ты меня хладнокровно. Я вѣдь знаю, у васъ одинъ разговоръ: по любви выдти за-мужъ. Влюбляются-то, Машенька, только тѣ, которымъ жениться нельзя, либо рано, потому что еще въ курточкахъ ходятъ, либо нечѣмъ жить съ женой: такъ вотъ они и влюбляются. Порядочный человѣкъ не станетъ вамъ въ любви открываться, да влюбленія-то свои высказывать; а просто придетъ къ матери да скажетъ: «мнѣ ваша дочка нравится», да и тебѣ-то тоже прямо, безъ разныхъ тамъ фарсовъ дурацкихъ: «сударыня, маменька ваша согласны, вы мнѣ нравитесь, угодно вамъ меня осчастливить?» И все это честно и благородно. — Вотъ какъ это бываетъ, Машенька.— Ты вотъ съ Беневоленскимъ и десяти словъ не сказала, а ужъ и слышать про него не хочешь.—А будетъ ѣздить, познакомишься, можетъ быть

и увидишь, что хорошій человѣкъ. Вѣдь вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать; а что отъ нихъ толку,—только слава дурная.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Это правда, сударыня. (*молчаніе*).

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька, потѣшь ты меня на старости лѣтъ, послушайся матери.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Маменька! я не могу теперь идти ни за Беневоленскаго, ни за кого; сдѣлайте милость—не принуждайте меня. Я одного у васъ прошу—не говорите мнѣ про замужство, подождите немного. Ради Бога, дайте мнѣ пожить на свободѣ.

АННА ПЕТРОВНА.

Эка невидаль дѣвичье житье! жаль разстаться!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пусть Беневоленскій къ намъ ѣздитъ, я буду съ нимъ ласкова, все, что вамъ угодно; только пусть онъ подождетъ.... ну мѣсяцъ, одинъ мѣсяцъ. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его.—Согласны?

АННА ПЕТРОВНА (*цѣлуетъ Марью Андреевну*).

Ну что съ тобой дѣлать, такъ и быть.—Что, утѣшилась теперь? Вотъ вѣдь ты какая глупая. (*Марья Андреевна уходитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что дѣлать-то, Платонъ Маркычь! Скажите Максиму Дорофѣичу, что я очень рада, но чтобъ онъ мѣсяцъ погодилъ дѣлать предложеніе; да и объ дѣлѣ-то попросите.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Очень хорошо-съ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ и ХОРЬКОВА (*входитъ*).

ХОРЬКОВА.

Покорно благодарю, матушка Анна Петровна, покорно благодарю; одолжили, нечего сказать.

АННА ПЕТРОВНА.

Что такое? Что я вамъ сдѣлала?

ХОРЬКОВА.

Я хоть необразованная женщина, а надъ собой смѣяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили; я, разумѣется, прихожу домой, говорю: «Миша, другъ мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, другъ мой, свои мысли Марьѣ Андревнѣ», — а та ему напрямки отказала; приходитъ такой разстроенный. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ, маменька, счастія въ моей жизни; вы, говоритъ, меня обманули.»—«Я, говорю, мой другъ, никогда обманщицей не была; а если нами пренебрегаютъ, такъ нечего тебѣ, говорю, безпокоиться; ты съ твоимъ образованіемъ всегда найдешь себѣ невѣсту не хуже Марьи Андревны.... А ужъ я не утерплю, пусть меня ругаютъ, я все-таки пойду отчитаю Аннѣ Петровнѣ.»

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ дѣлать-то мнѣ! ея воля, я ее принуждать не могу.

ХОРЬКОВА.

Это, Анна Петровна, просто насмѣшка; я такъ это за насмѣшку и принимаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Да помилуйте, матушка, какая-же это насмѣшка?

ХОРЬКОВА.

Насмѣшка, насмѣшка! Вамъ просто хотѣлось изъ меня передъ сыномъ дуру сдѣлать; я хоть и необразованная женщина, а понимаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Что вы тутъ понимаете! Нечего вамъ тутъ понимать-то.

ХОРЬКОВА.

Ну ужъ не говорите пожалуйста; знаемъ мы кой-что. У васъ теперь какой-то богатый женихъ на примѣтѣ, такъ вы другими-то и брезгаете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вамъ совѣтую; а то чтобы разговору какого не было.

АННА ПЕТРОВНА.

Какого разговору? Что вы, ссориться что-ли со мной пришли, Арина Егоровна?

ХОРЬКОВА.

Ужъ тамъ, матушка, какъ хотите принимайте: я сама вами кругомъ обижена. Что я не знаю, про то говорить не стану; а что знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то-жъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Языкъ-то безъ костей, говорить все можно, только слушать-то нечего.

ХОРЬКОВА.

Слушай не слушай, какъ кому угодно; а ужъ, коли говорятъ, такъ значитъ, что-нибудь есть.

АННА ПЕТРОВНА.

Кто говоритъ и что говоритъ? Кому нужно про меня говорить что-нибудь?

ХОРЬКОВА.

Не про васъ и рѣчь, а про Марью Андревну; а то горда ужъ очень она у васъ, вотъ теперь гордости-то поубудетъ. Намъ-то отказали; а этотъ-то вашъ богатый женихъ какъ бы самъ не отказался, коли прослышитъ что-нибудь.

АННА ПЕТРОВНА.

Да что вы, Арина Егоровна, рехнулись должно быть? Да кто же смѣетъ что-нибудь сказать про мою Машеньку?

ХОРЬКОВА.

Ахъ, матушка, никому рта не зажмешь, всякій воленъ говорить, на то языкъ данъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ это такое! Вотъ послушайте, Платонъ Маркычь, еще тутъ сплетни какія-то распустили про Машеньку! На что это похоже!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

На всякое чиханіе, сударыня, не наздравствуешься; слушать-то не приходится.

АННА ПЕТРОВНА (*Добротворскому*).

Да что же можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

ХОРЬКОВА.

Ужъ извѣстно что! Зачѣмъ къ вамъ Меричъ каждый день ходитъ? Вѣдь сосѣди видятъ — скрыть нельзя. И при васъ и безъ васъ бываетъ. Вы-то, можетъ быть, еще и сами всего не знаете. Я необразованная женщина, да не позволила бы этого своей дочери. Мнѣ сынъ говоритъ, что его ни въ одинъ порядочный домъ не пускаютъ за его пошлости. Своими глазами видѣла, какъ онъ отъ васъ изъ саду крадется, точно воръ какой.

АННА ПЕРОВНА.

Что же это, Господи! Вотъ что значитъ безъ мужчины-то въ домѣ, — всякій и сочиняетъ, что ему въ голову придетъ. Вотъ дѣло-то женское какое. Пожалѣйте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что вы меня разстроиваете, какъ вамъ не грѣхъ.

ХОРЬКОВА.

Снявши-то голову, по волосамъ не плачутъ. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вотъ ищите-ко жениховъ; не всякій-то польстится. Хоть бы вы и согласны были, а ужъ я теперь своему Мишѣ не позволю. Нѣтъ, покорно васъ благодарю!

АННА ПЕТРОВНА.

Да мы ни въ Мишѣ, ни въ васъ не нуждаемся! Эка важная партія; невидаль какая! Вамъ бы только сплетничать.

ХОРЬКОВА (*встаетъ*).

Да ужъ, матушка, не взыщите, что слышала, того отъ другихъ не потаю.

АННА ПЕТРОВНА.

Гдѣ утаить! Еще своего прибавите. Вы ужъ обрадовались, что вамъ случай есть. Отъ васъ только этого и ждать можно.

ХОРЬКОВА.

Я сама отъ васъ, кромѣ обиды да насмѣшки — ничего не

видала. Только вотъ не могла вытерпѣть, чтобы не выговорить вамъ за Мишу; а то бы и нога моя въ вашемъ домѣ не была. А Мишѣ я и думать не позволю о вашей дочери; съ его умомъ и образованіемъ мы и почище найдемъ. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ХОРЬКОВОЙ.

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ это такое, Платонъ Маркычь, посудите вы сами Опомниться-то вѣдь я не успѣла, а то бы ужъ я напѣла ей. Вѣдь теперь чего добраго, разславитъ вездѣ, погубитъ она мою голову. Вотъ какъ безъ мужчины-то, Платонъ Маркычь! И туды и сюды все сама, да еще и за дочерью смотри; отлучиться изъ дому нельзя; а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья! *(Входитъ Дарья).* Что ты, оглохла, что-ли? Не докличешься тебя!... Позови барышню.

ДАРЬЯ.

У меня вѣдь не одно дѣло-то; сложа руки не сижу. *(Уходитъ).*

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, измаялась я нынче день-то; а тутъ еще напасть этакая. И руки и ноги дрожатъ. Что-жъ это Маша со мной дѣлаетъ! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платонъ Маркычь.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(входитъ).*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня кликали, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Что ты, въ гробъ что-ли хочешь меня вогнать прежде времени? Что ты еще затѣяла?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что такое?

АННА ПЕТРОВНА.

Былъ здѣсь Меричъ безъ меня? *(Молчаніе).* Что-жъ ты молчишь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Былъ не на долго. Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, онъ и ушелъ.

АННА ПЕТРОВНА.

Не обманывай ты меня; что у тебя съ нимъ за шашни? Говори!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да какія шашни, кто вамъ сказалъ, маменька?

АННА ПЕТРОВНА.

Кто сказалъ? Всѣ говорятъ. Мнѣ теперь глаза показать никуда нельзя. Сей-часъ Хорькова приходила—ужъ и она знаетъ. Чтобъ его у насъ и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, этого нельзя.

АННА ПЕТРОВНА.

Отъ чего это нельзя? Что съ нимъ церемониться что-ли? Не великъ баринъ! Прогоню, да и все тутъ. Тебѣ надо замужъ идти, а съ этими-то разговорами не скоро жениха съищешь. Осрамила ты меня совсѣмъ. Или сей-часъ-же Максиму Дорофѣичу надо слово дать, или завтра же скажу Меричу, чтобъ онъ и глазъ къ намъ не показывалъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не дѣлайте этого, ради Бога. Я васъ умоляю, маменька. Какъ это можно!

АННА ПЕТРОВНА.

Такъ ступай за-мужъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька, дайте мнѣ подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругомъ идетъ. Дайте мнѣ подумать.

АННА ПЕТРОВНА.

Объ чемъ тутъ думать! Надо сей-часъ что-нибудь дѣлать; а то услышитъ Максимъ Дорофѣичь эти сплетни, пожалуй, откажется. Что ты тогда съ моей головой сдѣлаешь? Какой тогда срамъ-то будетъ! Завтра надо сказать Максиму Дорофѣичу, что мы согласны.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, маменька, это выше силъ моихъ!

АННА ПЕТРОВНА.

Ну такъ живи, какъ знаешь! Мнѣ теперь до тебя и дѣла нѣтъ. Я тебя ростила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня, ни ночи покою себѣ не имѣю; а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякаго, прости Господи! Я теперь слова тебѣ не скажу, повѣсничай съ кѣмъ хочешь! Ты мать позабыла, ты для матери ничего не хочешь сдѣлать; авось добрые люди найдутся, не оставятъ старуху. Пойдемте, Платонъ Маркычь, ко мнѣ въ комнату. *(Встаетъ и идетъ).* Видно ужъ мнѣ старухѣ вѣкъ горе мыкать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(за ней).*

Маменька!...

АННА ПЕТРОВНА.

Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видѣть не хочу. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(садится на стулъ и закрываетъ лицо платкомъ. Добротворскій стоитъ противъ нея).*

Это мученье!

ДОБРОВОРСКІЙ.

Что, побранила васъ маменька-то! Ну ничего! не плачьте, барышня! Помиритесь какъ-нибудь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Платонъ Маркычь! быть можетъ маменька и права; но она требуетъ отъ меня невозможнаго.

ДОБРОТОВРСКІЙ.

Отъ чего-жъ, матушка барышня, невозможно? Ей-Богу возможно! Утѣшьте старуху.—Вѣдь ужь лучше Максима Дорофѣича жениха не найдти вамъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычь,—вы человѣкъ добрый, я съ вами буду говорить откровенно. Я люблю другаго, онъ хорошъ, уменъ, образованъ; посудите сами, какъ же мнѣ промѣнять его на Беневоленскаго.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Да онъ молодой человѣкъ, барышня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень молодой....

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Свистуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любитъ, а завтра разлюбитъ. Имъ потѣха, а бѣдныя дѣвушки плачутъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я не знаю, разлюбитъ онъ меня или нѣтъ, только я его люблю.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Матушка барышня, я васъ еще вотъ какую зналъ: ребенокъ были несмысленочекъ, на рукахъ носилъ. Вашъ папенька покойникъ мнѣ благодѣтель, въ люди меня вывелъ, я прежде очень маленькій человѣкъ былъ. Какъ умиралъ покойникъ,—ты, говоритъ, Платонъ, жену съ дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшко Андрей Петровичь, служить буду, пока силъ хватитъ. Я васъ, барышня, больше родной люблю, такъ горько мнѣ будетъ, какъ вертопрахъ какой-нибудь посмѣется надъ вами. Плюньте вы на нихъ. А вѣдь и то сказать, барышня, вы лучше насъ знаете, мы люди старые, изъ ума выжили! Совѣтовать не смѣю, разсудите сами. Вотъ на старости лѣтъ для васъ, сударыня, за сватовство принялся. Нашелъ человѣка, кажется хорошъ, а вѣдь Богъ его знаетъ, гдѣ мнѣ разобрать, посмотрите сами; какъ бы грѣха на душу не взять.

А все мой совѣтъ лучше маменьки послушаться, меньше грѣха будетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Платонъ Маркычь, помирите меня съ маменькой; она васъ любитъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Не безпокойтесь, матушка, помирю, объ этомъ не безпокойтесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Подите скажите ей, что я черезъ три дня ей дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно подумать, поговорить съ нимъ, онъ обѣщалъ жениться на мнѣ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо, барышня. Сей-часъ прикажете къ маменькѣ сходить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, пожалуйста сей-часъ. Мнѣ всегда тяжело, когда она сердится, за дѣло-ли, не за дѣло-ли.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Какъ-же, матушка, не тяжело,—вѣдь мать. Хорошо-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна, и потомъ*) **ДАРЬЯ.**

Что мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю. Я чувствую, что дурно дѣлаю, что ссорюсь съ маменькой; но идти за Беневоленскаго я не могу,—я люблю Владиміра. Да еслибъ я и рѣшилась пожертвовать собой, я теперь не имѣю права. За что же я обману бѣднаго Владиміра: онъ такъ меня любитъ.

ДАРЬЯ (*входитъ*).

О! чтобъ васъ!.. Вѣчно все растеряетъ! (*Беретъ платокъ Анны Петровны*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Даша, что маменька дѣлаетъ?

ДАРЬЯ.

Разговариваютъ съ Платономъ Маркычемъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сердита она?

ДАРЬЯ.

Приступу нѣтъ. (*Уходитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Жаль мнѣ маменьку, ей-Богу жаль! Еслибъ я не надѣлала глупостей, я-бы теперь съ ней поговорила откровенно, что Беневоленскій мнѣ не нравится; а теперь не могу.— Теперь мнѣ одно средство: поговорить съ Владиміромъ, потомъ скажемъ маменькѣ—и не объ чемъ думать. Ахъ, дура, да объ чемъ-же я плачу. Человѣкъ говоритъ мнѣ прямо, что онъ женится на мнѣ; а я плачу да выдумываю разныя несчастія. (*Смѣется, потомъ задумывается*). А если нѣтъ? Если нѣтъ? Что-жъ тогда? Впрочемъ, какое-же я имѣю право такъ дурно думать о немъ: я его еще не знаю. Да что это, Господи! Что я говорю! Я помѣшалась совсѣмъ. Другая бы на моемъ мѣстѣ прыгала отъ радости, а мнѣ всякій вздоръ въ голову лѣзетъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу ни о чемъ думать. Владиміръ на мнѣ женится. О, кабы мнѣ его увидать поскорѣй!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ (*входитъ*).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Пожалуйте къ маменькѣ, барышня. Я ее уговорилъ немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станетъ, поговорить хочетъ. Пусть, говоритъ, она увидитъ, что мать ей зла не желаетъ. Вотъ сей-часъ и поговоримъ всѣ вмѣстѣ, авось, барышня, какъ-нибудь и уладимъ. (*Уходятъ*).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

(Комната 1-го дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ 1.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА *(одна).*

Вотъ ужъ третій день его нѣтъ. Что это значитъ? третій день ужасныхъ мученій. Онъ должно быть нездоровъ! Что, если онъ и нынче не придетъ,—я, кажется, сойду съ ума. Я не могу больше переносить моего положенія. Какъ незамѣтно подкралось ко мнѣ это горе. Недѣлю тому назадъ я была весела и ни объ чемъ не думала. Я такъ и жду, что пріѣдетъ Беневоленскій и сдѣлаетъ предложеніе. Что я буду дѣлать! Маменька такъ увѣрена во мнѣ, такъ меня любитъ.... Теперь, когда спокойствіе ея старости зависитъ отъ меня, неужели я найду въ себѣ силы противиться ей.

ЯВЛЕНІЕ 11.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДАРЬЯ *(входитъ).*

ДАРЬЯ.

О! чтобъ!... Вотъ вездѣ одна, поспѣвай тутъ... Что это вы, барышня, какія скучныя?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Съ чего-же мнѣ веселой-то быть. Погадай-ко мнѣ, Даша, я ужъ теперь начала картамъ вѣрить.

ДАРЬЯ.

Извольте, барышня, сей-часъ разложу. *(Раскладываетъ карты)*

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, Даша, выходитъ что-нибудь? Чай, все вздоръ.

ДАРЬЯ.

Нѣтъ, матушка, не говорите этаго. Вотъ недавно кумѣ Аксиньѣ гадала: все винновый тузъ выходитъ. Смотри, говорю, будетъ тебѣ горе какое-нибудь. Что-жъ, барышня, такъ и есть: шубку новенькую украли съ иголочки. *(Разводитъ руками).* При своемъ антиресѣ отъ трефъ!.. въ собственномъ домѣ, исполненіе желанія. Бубновый король марьяжный.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Кто же это бубновый король?

ДАРЬЯ.

Ужъ извѣстно Владимiръ Васильичъ; кому-жъ быть!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ и АННА ПЕТРОВНА *(входитъ)*.

АННА ПЕТРОВНА.

Что это вы, никакъ гадаете? Погадай-ко, Дарья, и мнѣ.

ДАРЬЯ.

Извольте, матушка, сей-часъ.

АННА ПЕТРОВНА.

На какую, бишь, я даму-то гадаю. Не помнишь-ли, Машенька?

ДАРЬЯ.

Я васъ червонной, матушка, положу. Ахъ, барышня, почтальонъ идетъ. (*Идетъ за письмомъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ кого это? Боже мой, какъ у меня сердце забилось! *(Дарья возвращается съ письмомъ)*.

АННА ПЕТРОВНА.

Поищи-ко, Даша, очки. (*Распечатываетъ письмо.)*

ДАРЬЯ.

Вотъ онѣ, матушка.

АННА ПЕТРОВНА (*смотритъ на подпись*).

Отъ Беневоленскаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ Беневоленскаго? Что-же онъ пишетъ?

АННА ПЕТРОВНА *(читаетъ)*.

«Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая въ уваженіе ваше расположеніе и радушный пріемъ, оказанные мнѣ въ прошедшій четвертокъ, я беру на себя смѣлость предложить свою руку и сердце вашей безподобнѣйшей дочкѣ Марьѣ Андревнѣ, коей достоинствами и красотою я очарованъ. При чемъ честь имѣю присовокупить, что я слышалъ отъ Платона Марковича о вашемъ дѣлѣ, въ которомъ,

какъ знающій человѣкъ, могу быть ходатаемъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда вы согласитесь принять мое предложеніе. Я человѣкъ дѣловой, и мнѣ терять время понапрасну на чужія хлопоты нельзя. Состояніе мое вы знаете, и я неусыпно стараюсь о приращеніи онаго, употребляя на это всѣ свои способности; ибо, какъ вамъ извѣстно, состояніе даетъ вѣсъ въ обществѣ. Принимая въ соображеніе все оное, а равно и положеніе, въ которомъ вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего отвѣта сегодня же, или, въ крайнемъ случаѣ, завтра, чтобы не оставаться въ неизвѣстности. Засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе Марьѣ Андревнѣ, и передайте имъ, что я, какъ страстный ихъ обожатель, съ душевнымъ трепетомъ ожидаю ихъ отвѣта. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію, честь имѣю пребыть Максимъ Беневоленскій.» Ну что-же, Машенька, надобно писать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ волненіи*).

Погодите, маменька, погодите....

АННА ПЕТРОВНА.

Чего-же годить-то! Маша! Маша! послушай ты меня,—вѣдь ужъ этакой партіи намъ съ тобой не дождаться. Максимъ Дорофѣичь человѣкъ деликатный, надо-же ему что-нибудь написать, чтобъ не сумнѣвался, по крайней мѣрѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Погодите, маменька, ради Бога, погодите, завтра... завтра...

АННА ПЕТРОВНА.

Да отъ чего-жъ не теперь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Теперь я не могу. Я не знаю, что отвѣчать; я такъ взволнована.... Мнѣ нездоровится что-то, у меня голова болитъ. Я рѣшительно не могу.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну какъ хочешь! Завтра, такъ завтра. А я все-таки пойду подумаю, какъ написать поскладнѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДАРЬЯ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Даша, ты знаешь, гдѣ Владиміръ Васильичъ живетъ?

ДАРЬЯ.

Знаю, матушка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Бѣги къ нему, Даша, голубушка, бѣги поскорѣй.

ДАРЬЯ.

Что вы, матушка! Ну какъ маменька узнаетъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ступай, ничего, ступай. Я какъ-нибудь скажу маменькѣ. Только, ради Бога, поскорѣй. Скажи ему, чтобъ онъ сей-часъ же пришелъ сюда, сію минуту.

ДАРЬЯ.

Ну, видно нечего съ вами дѣлать. (*Уходитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Проворнѣй, Даша, проворнѣй!

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

Нѣтъ, этаго не будетъ! Владиміръ спасетъ меня.... Ну какъ она его дома не застанетъ! Ну, а если..... нѣтъ, этаго не можетъ быть, онъ меня любитъ. Ну ужъ я теперь и сама не разберу, что я думаю, что я чувствую.... мнѣ только страшно чего-то. Ахъ, кабы она поскорѣй воротилась. Эти минуты ожиданія покажутся мнѣ вѣчностію.. Кто-то идетъ, не онъ-ли? Нѣтъ, это Милашинъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МИЛАШИНЪ (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Скажите, Иванъ Иванычь, не видали-ли вы Владиміра Васильича?

МИЛАШИНЪ.

На что онъ вамъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, когда я спрашиваю, значитъ, что нужно.

МИЛАШИНЪ.

Кто-жъ его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ вы и говорите, что не знаете. (*Отворачивается*).

МИЛАШИНЪ.

Вы меня обманули, Марья Андревна, Богъ съ вами. Вы меня выгнали для того, чтобъ остаться съ Меричемъ наединѣ. Вы изъ меня дурака сдѣлали. Нѣтъ, я такъ играть собой не позволю. (*Молчаніе*). Я дивлюсь, какъ это ваша маменька не перестанетъ принимать Мерича. Съ такими людьми нечего церемониться. Я бъ на ея мѣстѣ его близко къ дому не пустилъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Продолжайте, продолжайте!

МИЛАШИНЪ.

Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жаль, и больше ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдѣлайте милость, не жалѣйте. Да и какое право имѣете вы жалѣть меня?

МИЛАШИНЪ.

Какъ вамъ угодно! Я изъ привязанности къ вамъ, къ вашей маменькѣ, говорю это. Я опять-таки повторю, что такаго человѣка, какъ Меричъ, я бы, на мѣстѣ Анны Петровны, къ воротамъ бы не подпустилъ. Если Аннѣ Петровнѣ угодно, чтобъ онъ разславлялъ вездѣ, хвастался, что вы влюблены въ него, такъ пускай принимаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы лжете.

МИЛАШИНЪ.

Я лгу? Нѣтъ, я никогда не лгу-съ. Лжетъ кто-нибудь другой, только не я.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За чѣмъ вы мнѣ говорите про него: вы знаете, что я не

повѣрю вамъ. Я его люблю, слышите ли, люблю, люблю; не смѣйте при мнѣ говорить про него дурно.

МИЛАШИНЪ.

Вы его любите? А онъ васъ любитъ, вы думаете?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, я начинаю терять терпѣніе. Или замолчите, или убирайтесь прочь отъ меня.

МИЛАШИНЪ (*садится на другой сторонѣ комнаты. Молчаніе*).

Вы меня обидѣли, Марья Андревна, жестоко обидѣли. Я желалъ вамъ добра, я съ малолѣтства съ вами знакомъ; а вы меня отъ себя гоните. Скажите ножалуйста, чѣмъ я это заслужилъ? (*Молчаніе*). Я только по правамъ дружбы хотѣлъ предостеречь васъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Отъ кого предостеречь? Не нужно мнѣ вашихъ предостереженій.

МИЛАШИНЪ.

Теперь ужъ я вижу, что не нужно,—вы такъ ему слѣпо вѣрите, что никого слушать не хотите. Я и не стану васъ разувѣрять; а все-таки это не мѣшаетъ мнѣ знать про него кой-какія вещи, не очень хорошія.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы можете знать, и можете говорить кому угодно; а все-таки вамъ никто не повѣритъ.

МИЛАШИНЪ.

Что я, подлецъ что-ли, по вашему? Вы меня не только не любите, но еще считаете какимъ-то низкимъ человѣкомъ. Вотъ чего я дождался отъ васъ за мою привязанность.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-же вы узнали, говорите!

МИЛАШИНЪ.

Много узналъ, всего не перескажешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И есть у васъ доказательства?

МИЛАШИНЪ.

Какія-же доказательства? Его поведеніе и безъ доказательствъ ясно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну а если у васъ нѣтъ доказательствъ, такъ я вамъ говорю: не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю.

МИЛАШИНЪ.

Можетъ быть, когда-нибудь я и докажу вамъ мои слова на самомъ дѣлѣ; только не будетъ-ли поздно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это ужъ не ваше дѣло. Когда будете имѣть доказательства, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ молчите. (*Молчаніе*).

МИЛАШИНЪ.

Вотъ я всегда попадусь! А за что? За то, что люблю васъ. Вы сердитесь на меня, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ. Мнѣ не до васъ.

МИЛАШИНЪ.

Значитъ миръ! Дайте ручку поцѣловать. (*Марья Андреевна протягиваетъ молча*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-жъ это такъ долго? (*Смотритъ въ окно. Молчаніе*). Наконецъ-то.

МИЛАШИНЪ.

Что такое?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ Васильичъ. Ну ужъ достанется ему отъ меня.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ и МЕРИЧЪ (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что это вы пропали? Какъ вамъ не совѣстно!

МЕРИЧЪ (*цѣлуетъ руку*).

Виноватъ, Марья Андревна, виноватъ! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иванъ Иванычъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ нужно разсказать вамъ кой-какія новости, не совсѣмъ пріятныя.

МЕРИЧЪ.

Непріятныя! Это дурно. Вы меня пугаете.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, для меня—очень непріятныя.

МЕРИЧЪ.

А если для васъ они непріятны, такъ ужъ и для меня также.

МИЛАШИНЪ.

Отъ чего-же это такъ? Позвольте васъ спросить?

МЕРИЧЪ.

По очень простой причинѣ, Иванъ Иванычь, я принимаю очень близко къ сердцу все, что касается до Марьи Андревны. Теперь вы поняли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, Иванъ Иванычь, это дѣло касается насъ обоихъ.

МИЛАШИНЪ.

Въ такомъ случаѣ извините.

МЕРИЧЪ.

Что это вы похудѣли, поблѣднѣли, Марья Андревна?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я вамъ говорю, что у меня есть много непріятнаго; да ужъ и того довольно—я три дни васъ не видала. Чего я не передумала въ это время?

МЕРИЧЪ.

Если я былъ хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя такъ виноватымъ, что не смѣю и оправдываться. Сердце у васъ доброе. А я постараюсь загладить свой проступокъ. Дайте ручку, въ знакъ примиренія. (*Цѣлуетъ у Марьи Андреевны руку*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да ужъ конечно виноваты. Какъ это не заглянуть почти недѣлю! Богъ съ вами! Я ужь къ вамъ посылала Дарью.

МЕРИЧЪ.

Она, вѣроятно, меня не застала дома; мы съ ней разошлись

МИЛАШИНЪ (*въ сторону*).

Это невыносимо!

МЕРИЧЪ.

За чѣмъ-же вы присылали Дарью ко мнѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За вами. Мнѣ очень нужно съ вами поговорить объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ.

МИЛАШИНЪ.

Прощайте, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Куда вы?

МИЛАШИНЪ.

За доказательствами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Желаю вамъ успѣха. (*Милашинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МЕРИЧЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! Владиміръ! Что ты со мной дѣлаешь! Я жду тебя, не дождусь!

МЕРИЧЪ.

Что такое! Что такое! Объ чемъ ты плачешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ, у насъ страшное горе. Мы проиграли дѣло.... у насъ отнимаютъ все.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Боже мой!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что теперь дѣлать! Маменька говоритъ, что намъ будетъ жить нечѣмъ. Единственное средство мнѣ пожертвовать собой, выйдти за Беневоленскаго. Я не могу опомниться, нынче я должна дать отвѣтъ.

МЕРИЧЪ.

Какъ это скверно!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*обнимаетъ его*).

Владиміръ, спаси меня!

МЕРИЧЪ (*освобождаясь*

Погоди, погоди. Поговоримъ хладнокровно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ-же я могу говорить объ этомъ хладнокровно! Владиміръ, что мнѣ дѣлать!.. жизнь и смерть моя отъ этаго зависятъ. (*Обнимаетъ его*).

МЕРИЧЪ.

Какъ ты, Мери, неосторожна! Ну какъ кто увидитъ, что скажутъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мнѣ теперь ужъ все равно, что бы ни говорили.

МЕРИЧЪ.

А я-то чѣмъ же виноватъ! Вѣдь все на меня падетъ; скажутъ, что я тутъ Богъ знаетъ что. Ты знаешь, у меня и безъ того какая репутація.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты боишься? Ты кажется прежде не боялся.

МЕРИЧЪ.

Ты не понимаешь, теперь совсѣмъ другое дѣло; тогда не было твоей маменьки.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-же мнѣ дѣлать! Я, ей-Богу, не знаю.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, какъ это нехорошо, я совсѣмъ этаго не ожидалъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ! пока я не видала тебя, я бы пошла, за кого угодно маменькѣ. Я полюбила тебя; ты мнѣ говорилъ, что меня любишь. У меня теперь недостаетъ силъ рѣшиться разстаться съ тобой.

МЕРИЧЪ.

Скажи-же мнѣ, Мери, сдѣлай милость, чего тебѣ отъ меня хочется?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Владиміръ, опомнись, что ты говоришь! Въ какое ты меня ставишь положеніе. Мнѣ стыдно за себя. Я тебѣ, какъ другу, разсказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мнѣ хочется! Что-же мнѣ сказать тебѣ: женись на мнѣ? Пощади меня.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, Мери! Мери! Ты не знаешь, въ какихъ я теперь странныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ по комнатѣ*). Я рѣшительно теперь ничего не могу придумать.... Рѣшительно ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего?

МЕРИЧЪ.

Ничего.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

О Боже мой! (*Закрываетъ лицо руками*).

МЕРИЧЪ.

То-то вотъ все еще неопытность! — Мнѣ надобно было бѣжать отъ тебя. За чѣмъ я тебя встрѣтилъ! О судьба, судьба! Мнѣ легче бы было совсѣмъ не видать тебя, нежели смотрѣть, какъ ты страдаешь. Впрочемъ, я не думалъ, что ты такъ привяжешься ко мнѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-же ты думалъ?

МЕРИЧЪ.

Я думалъ, что изъ нашихъ отношеній не выйдетъ ничего серьёзнаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты хотѣлъ позабавиться отъ скуки, для развлеченія. Не правда-ли? Не ты-ли самъ говорилъ, что играть любовью тебѣ надоѣло.

МЕРИЧЪ.

Да развѣ я не люблю тебя! Развѣ я не страдаю теперь! О, кабы ты могла заглянуть въ мою душу! Но какъ-же быть. Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я была тверда, пока ты не обманулъ меня такъ жестоко. И тебѣ не жаль меня? Скажи, ради Бога!

МЕРИЧЪ.

Мнѣ очень жаль тебя, Мери, и тѣмъ больше жаль, что я не могу никакъ помочь тебѣ. Жениться я не могу на тебѣ,

да и отецъ мой не позволитъ. Конечно, я бы не посмотрѣлъ на него; а обстоятельства, обстоятельства, которыя гнетутъ меня всю жизнь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Скажи ты мнѣ, для чего ты меня обманывалъ; за чѣмъ клялся, когда я отъ тебя этаго не требовала?

МЕРИЧЪ.

Я люблю тебя, Мери; я увлекся, я не сообразилъ. Я человѣкъ очень страстной.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты любилъ? Никогда ты не любилъ меня. Я одна любила. Теперь мнѣ поведеніе твое стало ясно. Хоть ужъ и поздно, а я узнала тебя. Господи Боже мой! И ты смѣешь называть это любовью! Хороша любовь! не только безъ самопожертвованія, даже безъ увлеченія. На насъ весь судъ, намъ не прощаютъ ничего.... Я къ тебѣ бросаюсь на шею; а ты оглядываешься, не увидалъ бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало ждешь тебя не дождешься: всѣ глаза проглядишь; а ты придешь, какъ ни въ чемъ не бывало, только развѣ обдумаешь дома, что говорить да какъ бы сдѣлать шагъ впередъ.

МЕРИЧЪ.

Ты меня обижаешь. Что-жъ, ты можешь говорить, что хочешь — ты въ правѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не говори, ради Бога! Вспомни о совѣсти хоть теперь-то. Теперь ужъ тебѣ нѣтъ никакой нужды лгать. Теперь тебѣ остается только хвастаться своими успѣхами.

МЕРИЧЪ.

Послушай однако, за кого-жъ ты меня считаешь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

За кого нужно.

МЕРИЧЪ.

Я наконецъ не могу переносить этаго. (*Беретъ шляпу*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ты уходишь? Прощай!

МЕРИЧЪ.

Не могу-же я слушать этаго! Ну я виноватъ, я сознаюсь

да все не такъ-же, какъ ты говоришь. Все-таки я честный человѣкъ. Вѣдь обстоятельства, Мери, много значатъ.... Гдѣ-же вамъ это все знать; вы женщины.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вѣрю, вѣрю.

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, право. Ты не сердись на меня. Я не могъ и не могу иначе поступить, при всей любви къ тебѣ. Ты, что хочешь, говори; а я все-таки буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не вѣришь! ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу-ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное созданіе! Ахъ, какъ ты хороша съ твоимъ страдальческимъ лицомъ, съ слезами на глазахъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Перестань, ради Бога!

МЕРИЧЪ.

При другихъ обстоятельствахъ, я бы отдалъ все на свѣтѣ за счастіе обладать тобой.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Перестань-же наконецъ.

МЕРИЧЪ.

Но мнѣ не суждено; что-жъ дѣлать! Намъ нужно разстаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прощайте, прощайте! (*Меричъ цѣлуетъ руку, уходитъ медленно; потомъ возвращается*).

МЕРИЧЪ.

Нѣтъ, я рѣшительно не могу уйдти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя. (*Стоитъ, сложа руки на груди*). Прости меня, Мери, что я нарушилъ миръ невинной души твоей.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я прощаю.—Богъ съ тобой.

МЕРИЧЪ.

И не сердишься?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И не сержусь.

МЕРИЧЪ.

Вотъ и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! желаю тебѣ всякаго счастія. (*Отходитъ немного*). Обо мнѣ забудь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*одна*).

И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя.... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался.... А я, я? За что же я страдаю, чѣмъ я виновата! О Господи! зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! Почемъ мнѣ было знать!.. За что онъ меня обманулъ! (*Плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МИЛАШИНЪ (*входитъ*).

МИЛАШИНЪ.

Вотъ доказательства, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Теперь ужъ не нужно.

МИЛАШИНЪ.

Значитъ правду я говорилъ. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ*). «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ!»—Скажите, какія нѣжности!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы тамъ еще читаете?

МИЛАШИНЪ.

Вотъ, извольте посмотрѣть. (*Подаетъ ей записки. Марья Андреевна читаетъ про себя*). Вы давеча говорили, что я лгу, я это помню, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*).

Только этаго не доставало! Это ужасно!

МИЛАШИНЪ.

Вотъ у меня еще есть. Не хотите-ли!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ Боже мой! Да на что мнѣ онъ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія*). Я сей-часъ видѣла Владиміра Васильича.

МИЛАШИНЪ.

Что-же онъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*плачетъ*).

Ему нѣтъ никакаго дѣла до меня. Онъ говоритъ, что нужно покориться своей участи.

МИЛАШИНЪ.

Мерзавецъ! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я готовъ жизнію пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андревна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ—я на все готовъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, что мнѣ нужно пожертвовать собой,—я ужъ примирилась съ этой мыслію; а объ томъ, что я была игрушкой пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

МИЛАШИНЪ.

Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете не вызову, непремѣнно вызову.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы выдумываете! За чѣмъ вы это сдѣлаете, какъ, по какому праву?

МИЛАШИНЪ.

Да, въ самомъ дѣлѣ неловко! Я такъ только спросилъ у васъ; а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога.... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ни чѣмъ не могу вамъ помочь?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

МИЛАШИНЪ.

Вы меня гоните! Вы вотъ какъ со мной поступаете! Ну такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этаго. Я, Марья

Андревна, не Меричъ! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выдти за Беневоленскаго! Какому-нибудь скоту придетъ фантазія за васъ свататься, а вы должны идти за него! Нѣтъ, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете-ли что, Марья Андревна? Я человѣкъ бѣдный, я, можетъ быть, самъ не знаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой; но я не сдѣлалъ бы такъ, какъ Меричъ; не уступилъ бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Только этаго недоставало! (*Послѣ молчанія*). Ахъ, Иванъ Иванычъ, не хотѣлось бы мнѣ васъ обидѣть; да нечего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что на свѣтѣ.

МИЛАШИНЪ.

Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобъ я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

МИЛАШИНЪ.

Не угодно? Какъ вамъ угодно! Мнѣ только одно обидно: за что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте; за кого вы меня принимаете? Вы даже не имѣете уваженія ко мнѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. (*Утираетъ глаза*). Еслибъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я бъ не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго—это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выдти за-мужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы! Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, не замѣтно слезъ?

МИЛАШИНЪ.

Почти незамѣтно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну и слава Богу. Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ-нибудь о постороннемъ. Не были-ли вы въ театрѣ какъ-нибудь на дняхъ?

МИЛАШИНЪ.

Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь я знаю, что у васъ на душѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*топаетъ ногой*).

Я совсѣмъ васъ не обманываю, мнѣ право что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что-нибудь. Ахъ, вотъ карты! Давайте играть въ карты.

МИЛАШИНЪ.

Давайте, пожалуй, если вамъ угодно. (*Садится къ столу*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Во что-же? Въ дураки давайте.

МИЛАШИНЪ (*сдаетъ*).

Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андревна,—вы притворяетесь. Вы не хотите, чтобъ я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ-же вы отъ меня-то скрываетесь: я вамъ не чужой. Это досадно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Играйте, играйте, а то останетесь.

МИЛАШИНЪ.

Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь это замѣтно, что вы притворяетесь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, остались! (*Смѣется*).

МИЛАШИНЪ.

Ну что-жъ, остался. (*Мѣшаетъ карты, сдаетъ*). Вѣдь это ужасно досадно! Это гордость! Вы меня этимъ унижаете, не считаете ни за что!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы принимаете, еще принимаете. Ну такъ вы опять остались. (*Хохочетъ*).

МИЛАШИНЪ.

Вѣдь это невыносимо, просто!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сдавайте, сдавайте. Что-же вы! (*Милашинъ сдаетъ. Марья Андреевна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается руками на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты*). Кому ходить? Мнѣ?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И АННА ПЕТРОВНА (*входитъ*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что это у васъ за смѣхъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вотъ Иванъ Иванычь все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда-же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофѣичу? (*Продолжаетъ играть въ карты*). Поблагодарите его за предложеніе, и напишите, что я согласна.

АННА ПЕТРОВНА.

Ты, Маша, согласна. Ну спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня.... Ужъ такъ обрадовала, что и сказать не льзя.... Вотъ, Иванъ Иванычь, у меня дочка.. и красавица и умница. Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что написать. (*Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андреевна и Милашинъ играютъ въ карты*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*Милашину*).

Хоть бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше не стаетъ. (*Встаетъ*). Дайте, я вамъ помогу. Что вы пишете?

АННА ПЕТРОВНА.

А вотъ: «Милостивый Государь, Максимъ Дорофѣичь! Благодарю васъ за лестное для насъ предложеніе. Машенька согласна и проситъ васъ сегодня вечеромъ на чашку чаю.» Хорошо-ли такъ-то? Ужъ я не знаю. А? Аль другое написать?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и пошлите поскорѣй.

АННА ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ хорошо? Иванъ Иванычь, хорошо?

МИЛАШИНЪ.

Очень хорошо.

АННА ПЕТРОВНА.

А не надо-ли чего прибавить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, не надо, ничего не надо... довольно и этаго. Пошлите поскорѣй. Дарья, Дарья! (*Входитъ Дарья*). Пошли поскорѣй кого-нибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофѣичу. Ступай, Дарья, поскорѣй. Я не выдержу больше, Иванъ Иванычь, мнѣ дурно. (*Милашинъ подбѣгаетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Андреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможеніи; потомъ заливается слезами*).

АННА ПЕТРОВНА.

Машенька! Машенька! Что ты? Что съ тобой?

МИЛАШИНЪ (*въ сторону*).

Что-же это такое!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего, это пройдетъ. Мнѣ дурно что-то! Не безпокойтесь.

АННА ПЕТРОВНА.

Поцѣлуй меня, Машенька! Умница ты моя...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что, маменька, хорошій онъ человѣкъ?

АННА ПЕРОВНА.

Хорошій! Ужъ я не отдамъ тебя за дурнаго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ слезахъ*).

Онъ меня станетъ любить? Если онъ меня будетъ любить, и я его буду любить.

АННА ПЕТРОВНА.

Да о чемъ-же ты плачешь-то, глупенькая?

МИЛАШИНЪ.

Неужели это васъ удивляетъ, что Марья Андревна плачетъ. Это странно.

АННА ПЕТРОВНА.

А что-жъ тутъ, батюшко, страннаго? Она сама объявила желаніе выйдти за Беневоленскаго; а теперь плачетъ. Чѣмъ же не партія!

МИЛАШИНЪ.

А что-жъ особенно завиднаго въ Беневоленскомъ?

АННА ПЕТРОВНА.

А то, что ты молодъ еще судить-то постарше себя. Онъ солидный человѣкъ, съ небольшимъ въ 30 лѣтъ ужъ состояніе имѣетъ; дѣломъ занимается, а у васъ все гулимоны да пошлости на умѣ.

МИЛАШИНЪ.

Состояніе! А гдѣ взялъ онъ это состояніе, спросить надобно. У насъ совѣсть есть, отъ того и состоянія нѣтъ. Состояніе нажить не мудрено.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, поди вотъ, наживи, да тогда ужъ и разговаривай!

МИЛАШИНЪ.

Я и теперь могу разсуждать, кто честный человѣкъ, а кто нѣтъ. Счастіе не въ богатствѣ, а въ душевномъ спокойствіи. Соединить свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, котораго того и гляди отдадутъ подъ судъ....

АННА ПЕТРОВНА.

Да, очень нужны мнѣ всѣ эти резоны! Я, батюшко, мать! Такъ, зря, дѣла не сдѣлаю. Еще молодъ очень учить-то меня! Наживи-ко своихъ дѣтей, да тогда и выдавай, какъ знаешь. Учить-то всякій умѣетъ, а попробуй-ка за дѣло-то взяться, такъ и нѣтъ ничего. Все одни фантазіи дурацкія. Вотъ тутъ съ вами табатерку потеряла. О! чтобъ васъ! Дарья! Дарья!

ДАРЬЯ *(входитъ)*.

Что угодно?

АННА ПЕТРОВНА.

Что глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку! (*Дарья уходитъ*).

МИЛАШИНЪ.

Меня вы можете бранить, сколько вамъ угодно; а за что же должна гибнуть Марья Андревна?

АННА ПЕТРОВНА.

Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, что такое мать для нее. Чего мнѣ стоило ее выростить-то. Надо мнѣ видѣть отъ нее какое-нибудь утѣшеніе. Полно плакать-то!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Развѣ я вамъ, маменька, не угождала? Развѣ вы были недовольны мной когда-нибудь?

АННА ПЕТРОВНА.

Что тамъ про старое толковать; я того и знать не хочу. Лёгко-ли дѣло, нужно мнѣ очень помнить, когда ты мнѣ угодила, когда нѣтъ. Вотъ теперь-то я вижу твою благодарность. Мать на старости лѣтъ ни дня, ни ночи покою не знаетъ, женское дѣло, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоитъ; а она плачетъ да убивается, какъ будто я ей злодѣйка какая!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вѣдь я, маменька, согласна.

АННА ПЕТРОВНА.

Вижу я, какъ ты согласна-то. (*Входитъ Дарья*). Что ты еще?

ДАРЬЯ.

Табатерку извольте.

АННА ПЕТРОВНА.

Ишь ты тебя принесло, нашла время!

ДАРЬЯ (*идетъ*).

Ну, раскудахталась.

АННА ПЕТРОВНА.

Другая бы радовалась, да не знала, какъ благодарить мать-то за такаго жениха, а не то чтобъ разстроивать. Мое дѣло женское, я женщина сырая. А тебѣ все ничего, ты объ матери-то и не думаешь, какъ бы мать порадовать.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Маменька! Ради Бога! Что вы говорите! (*Плачетъ*). Боже мой, что это такое!

АННА ПЕТРОВНА (*помолчавши и успокоившись*).

Что-жъ, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась.... Да что-жъ теперь-то ты, Машенька! Ну полно, перестань! Мнѣ вѣдь и самой тебя жаль. Я тебя обидѣла.... Что-жъ дѣлать, прости. Я вѣдь женщина, у меня сердце слабое, горячее, разкипится, другой разъ и не уймешь; сами виноваты, что до этаго доводите! Иногда что и скажется съ горяча.... обижаться-то на меня за это грѣхъ, дѣло женское.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я на васъ не обижаюсь....

АННА ПЕТРОВНА.

Что-жъ дѣлать, хороша-ли, худа-ли, все-таки мать. Выдешь за-мужъ, и такой не будетъ. Ну полно-же, другъ мой. Мнѣ развѣ весело смотрѣть на тебя, какъ ты плачешь. Богъ съ тобой, что ты это! (*Всѣ лица на лѣвой сторонѣ; входитъ Хорьковъ и останавливается среди сцены*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ-ЖЕ И ХОРЬКОВЪ.

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андревна! моя мать васъ обидѣла, я пришелъ просить прощенія за нее.

АННА ПЕТРОВНА.

Да, батюшко, нечего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*тихо*).

Маменька, онъ, кажется, пьянъ; молчите пожалуйста.

МИЛАШИНЪ (*Марьѣ Андреевнѣ*).

Онъ ужъ четвертый день пьетъ, какъ ушелъ тогда отъ васъ, и запилъ. Ходитъ дома по комнатѣ, плачетъ и пьетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Неужели? Ахъ бѣдный!

ХОРЬКОВЪ.

Что такое? слезы. Объ чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть.... я бы умеръ для васъ, Марья Андревна. Это мать.... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ.... Я бъ ее не пустилъ къ вамъ... Она простая женщина, не понимаетъ ничего.... Гдѣ-же ей васъ понять! Что-жъ дѣлать! мать! Любитъ! воспитала.... Марья Андревна, простите! (*Становится на колѣни*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что вы! Что вы! Михайло Иванычь! встаньте. Я ни на васъ, ни на вашу маменьку не сержусь; напротивъ, я вамъ очень благодарна за ваше расположеніе.

ХОРЬКОВЪ (*встаетъ*).

Объ чемъ-же вы плачете? Скажите мнѣ, объ чемъ вы плачете? Кто васъ обидѣлъ?

АННА ПЕТРОВНА.

Ахъ молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!...

ХОРЬКОВЪ.

Что вы, Анна Петровна!.... Ахъ! вы не знаете!.... Ужъ молчите лучше. (*Къ Марьѣ Андреевнѣ*). Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее.... Богъ съ ними.... они не знаютъ.... не сердитесь на нее, вѣдь любятъ.... воспитывали.. учили....

АННА ПЕТРОВНА.

Пойдемъ, Машенька, пора одѣваться, скоро Максимъ Дорофѣичь пріѣдетъ. (*Милашину тихо*). Уведите его, Иванъ Иванычь.

МИЛАШИНЪ (*беретъ шляпу*).

Пойдемте, Михайло Иванычь.

ХОРЬКОВЪ.

Что! Мальчишка!

МИЛАШИНЪ.

Что-же вы бранитесь! Я васъ хочу увести отсюда, потому что вы пьяны. (*Хорьковъ стоитъ задумавшись*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*встаетъ*).

Перестаньте, Иванъ Иванычь! Что вы говорите!

МИЛАШИНЪ.

Что же онъ бранится! Это досадно.

ХОРЬКОВЪ.

Да, скверно, скверно! Извините.... Куда я годенъ! пьяный.... въ чужомъ домѣ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль.

ХОРЬКОВЪ.

Марья Андревна! не презирайте меня. Я люблю васъ.... Я не могъ перенести вашего отказу. Конечно, это гадко.... подло.... недостойно.... Но что-жъ дѣлать, я жалкій человѣкъ. Я вѣдь люблю васъ, очень люблю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я сама васъ люблю, Михайло Иванычь. Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала. Я выхожу за-мужъ.... за Беневоленскаго. (*Плачетъ*).

ХОРЬКОВЪ.

За Беневоленскаго!... Это жертва.... да, жертва. Что-жъ благородно.... благородно.... слезы....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*садится на стулъ*).

Ахъ, Михайло Иванычь, мнѣ тяжело, очень тяжело.

АННА ПЕТРОВНА.

Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофѣичь—человѣкъ хорошій и съ состояніемъ.

ХОРЬКОВЪ.

Да, съ состояніемъ. Слезы, слезы.... вѣчныя слезы.... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. (*Становится на колѣни, беретъ руку Марьи Андреевны и цѣлуетъ*). Я самъ не переживу. (*Марья Андреевна въ обморокѣ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ*).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

(Сцена представляетъ небольшую комнату. На право отъ зрителей дверь въ залу, ближе къ зрителямъ трюмо, прямо дверь въ переднюю, на лѣво диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, далѣе еще дверь, въ углу простой столъ, на которомъ чашки и бутылки. Дарья устанавливаетъ бутылки на столъ, оффиціантъ устанавливаетъ чашки на поднос, потомъ беретъ поднос и идетъ къ двери. Выходитъ Добротворскій).

ЯВЛЕНІЕ 1.

ДАРЬЯ, ОФФИЦІАНТЪ И ДОБРОТВОРСКІЙ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ты что это, любезный, несешь?

ОФФИЦІАНТЪ.

Чай-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

А рому-то что-жъ не захватилъ?

ОФФИЦІАНТЪ.

Сперва такъ обнесемъ-съ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Эхъ, братецъ! не знаешь ты, кого чѣмъ подчивать. Ишь, все дѣловые люди собрались; со свѣтлыми пуговицами сидятъ.

ОФФИЦІАНТЪ.

Дарья Семеновна, пожалуйте рому-съ.

ДАРЬЯ.

Что тамъ еще! О! чтобъ васъ! Рому, что-ль?

ОФФИЦІАНТЪ.

Рому требуютъ-съ. (*Беретъ бутылку и ставитъ на поднос*).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Дай ужъ и мнѣ, я тутъ къ сторонкѣ сяду, на просторѣ пушшику попью. (*Беретъ чашку и садится на диванъ. Оффиціантъ уходитъ въ дверь на право*).

(*Входитъ женщина въ капотѣ и въ платкѣ*).

ЖЕНЩИНА ВЪ КАПОТѢ.

Танцы будутъ, матушка? Барышни прислали спросить. У насъ, матушка, семь барышенъ. Безпремѣнно, говорятъ, узнай; коли танцы будутъ, такъ и мы придемъ посмотрѣть.

ДАРЬЯ.

Будутъ, будутъ. О! чтобъ васъ тутъ! (*Женщина уходитъ*).

(*Входятъ нѣсколько лицъ и проходятъ къ двери на право; въ дверяхъ показывается кучеръ*).

ДАРЬЯ.

Ты за чѣмъ?

КУЧЕРЪ.

Сватьбу смотрѣть.

ДАРЬЯ.

О! мужланъ, туда-же лѣзетъ!

КУЧЕРЪ.

А ты что за барыня!

ДАРЬЯ.

Да ты не хайли. Что горло-то распустилъ?

КУЧЕРЪ.

А вы потише, а то неравно испугаюсь.

ДАРЬЯ.

Говорятъ: пошелъ вонъ!

КУЧЕРЪ.

Пойду. (*Уходитъ*).

ДАРЬЯ.

О! чтобъ васъ, такъ бы, кажется!... (*Уходитъ*).

(*Входятъ разныя лица и смотрятъ въ дверь на право. Между ними двѣ женщины, довольно хорошо одѣтыя, дѣвушка, покрытая платочкомъ, и двое молодыхъ людей въ синихъ чуйкахъ*).

1-й молодой человѣкъ (*дѣвушкѣ, покрытой платкомъ*).

Позвольте узнать,—который женихъ-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ этотъ.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Такъ-съ. А гдѣ невѣста-съ?

ДѢВУШКА.

Вотъ она.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Такъ-съ. А вы далеко живете-съ?

ДѢВУШКА.

Не доходя—прошедши.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Я самъ оттедова не далёчко-съ. Позвольте васъ проводить.

ДѢВУШКА.

И безъ васъ дорогу знаемъ.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ (*1-му молодому-человѣку*).

Что! налетѣлъ съ ковшомъ на брагу. (*Дѣвушкѣ*). Что вы его слушаете, онъ у насъ ужъ извѣстный по этимъ дѣламъ. (*Къ 1-му*). Что ты пристаешь въ самомъ дѣлѣ. Тутъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ишь разлетѣлся (*Дѣвушкѣ*). Онъ намедни изъ городу одну въ Рогожскую провожалъ; а тамъ его метлой дворникъ и пугнулъ; такъ взадъ-впередъ даромъ пѣшкомъ и проходилъ.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Буде врать-то, любезный.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Что врать-то! не съ твоимъ, братъ, рыломъ! ты видишь, барышня какая! Что вы, сударыня, здѣшнія? (*Продолжаютъ говорить шепотомъ*).

(*Изъ толпы выходятъ на авансцену двѣ женщины Дуня и Паша*).

ПАША.

Будто тебѣ его, Дуня, и не жаль?

ДУНЯ.

Ничего-таки не жаль. Что я жила,—маялась. Пріѣдетъ, бывало, пьяный да олаберный,—такъ какъ обѣснующій какой. Я ужъ давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть бы ты женился; авось остепенишься немножко. Взялъ бы, говорю, хорошенькую барышню, такъ и самъ бы, можетъ быть, сталъ порядочнымъ человѣкомъ; а то что такъ-то мотаешься!

ПАША.

Что ты говоришь?

ДУНЯ.

Да право такъ, Паша.

ПАША.

Такъ это другое дѣло. Пойдемъ посмотримъ приданое.

ДУНЯ.

Пойдемъ, Паша. *(Уходятъ въ дверь на лѣво).*

(Толпа мало по малу расходится, остаются нѣсколько старухъ. Добротворскій пьетъ пуншъ. Входятъ: Марья Андреевна и Беневоленскій).

ЯВЛЕНІЕ 11.

ДОБРОТВОРСКІЙ, БЕНЕВОЛЕНСКІЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Вы, сударыня, только извольте приказывать, а ужъ я буду все исполнять въ точности.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы меня станете слушаться во всемъ, Максимъ Дорофѣичъ?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Честное слово—благороднаго человѣка.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я вамъ откровенно скажу, мнѣ въ вашемъ характерѣ кой-что не нравится; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы оставили нѣкоторыя привычки. Съ тѣмъ я иду за васъ. Вы меня послушаетесь?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Все, что вамъ угодно. Изъ любви къ вамъ, я на все готовъ. Вамъ не угодно было, чтобъ я водку пилъ, я ее бросилъ;

вы мнѣ не приказали табакъ нюхать, я и не нюхаю. А, Платонъ Маркычь, ты здѣсь! Приходи ко мнѣ какъ-нибудь, я тебѣ подарю серебряную табакерку.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Покорно благодарю, Максимъ Дорофѣичь, зайду какъ-нибудь.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Я вашъ покорнѣйшій слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцѣловать. Вамъ, можетъ быть, угодно здѣсь однимъ остаться?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, мнѣ нужно поговорить съ Платономъ Маркычемъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ухожу-съ. Видите, какъ я послушенъ. *(Подходитъ къ Платону Марковичу).* Что, ловко я себя держу?

ДОБРОТВОРСКІЙ *(одобрительно кивая головой).*

Хорошо. *(Беневоленскій уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ДОБРОТВОРСКІЙ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Глупа я, Платонъ Маркычь, скажите мнѣ. Такъ вѣдь, неправда-ли?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что вы! Кто смѣетъ сказать! Нѣтъ, вы у насъ умница.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Послушайте, Платонъ Маркычь, что мнѣ въ голову пришло. Можетъ быть вамъ это смѣшно покажется. Я думала, думала... да знаете-ли, до чего додумалась? *(Добротворскій смотритъ на нее).* Только вы не смѣйтесь надо мной? Мнѣ показалось, что я затѣмъ иду за него за-мужъ, чтобы исправить его, сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Глупо вѣдь это, Платонъ Маркычь? Вѣдь это пустяки, нельзя этого сдѣлать? А, Платонъ Маркычь, не такъ-ли? Все это дѣтскія мечты?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Звѣри лютые, и тѣ укрощаются....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Безъ этой мысли, Платонъ Маркычь, я не перенесла бы своего положенія. Только этимъ я теперь и живу. Что если мечты мои не осуществятся. Это ужасно!

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Знаете-ли, барышня, я вамъ русскую пословицу скажу: что будетъ, то будетъ; а что будетъ, то Богъ дастъ. А другая еще пословица говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. *(Марья Андреевна садится на стулъ къ трюмо и задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ-ЖЕ и ДАРЬЯ *(входитъ и выгоняетъ со сцены зрителей, которые проходятъ въ заднюю дверь).*

ДАРЬЯ.

О, чтобъ васъ! куда зашли! Коли хотите смотрѣть, такъ стойте въ передней. Да чего и смотрѣть-то! Эка невидаль какая!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поправь мнѣ прическу. *(Добротворскій уходитъ).*

ДАРЬЯ *(поправляетъ прическу).*

Барышня, Владиміръ Васильичь, здѣсь въ саду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну такъ что-жъ?

ДАРЬЯ.

Они просятъ позволенія войдти, хотятъ поговорить съ вами.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это что еще? Затвори эту дверь. Позови его. *(Дарья уходитъ).* Зачѣмъ онъ? Послушаемъ, что онъ скажетъ. Странно, какъ скоро я его разлюбила. Мнѣ теперь онъ представляется совершенно постороннимъ человѣкомъ. Я его жду безо всякаго волненія. А прежде? Да, прежде сердце билось у меня, очень билось.

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и МЕРИЧЪ (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*не оборачиваясь къ нему*).

Зачѣмъ вы?

МЕРИЧЪ.

Поглядѣть на васъ послѣдній разъ. Неужели вы мнѣ въ этомъ откажете!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*поворачиваясь къ нему*).

Хороша я?

МЕРИЧЪ.

Обворожительна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*присѣдаетъ*).

Прощайте, мнѣ пора къ жениху.

МЕРИЧЪ.

Ахъ, погодите, Марья Андревна, ради Бога. Выслушайте меня. Позвольте мнѣ хоть полюбоваться на васъ еще нѣсколько минутъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я слушаю. Что вамъ угодно?

МЕРИЧЪ.

Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я на васъ не сержусь.

МЕРИЧЪ.

Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы кажется меня не такъ поняли. Мнѣ хочется передъ вами оправдаться.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Въ чемъ вамъ оправдываться! Я во всемъ виню себя. Я думала, что вы человѣкъ способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы—интриги, побѣдъ. Мы съ вами не пара.

МЕРИЧЪ.

Васъ я любилъ истинно, Марья Андревна....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Это неправда, Владиміръ Васильичь. (*Подумавъ*). Скажите пожалуйста, кого вы обманываете? Чѣмъ вы берете? Всѣ ваши побѣды вѣроятно тоже, что было со мной. Дѣвушка сама бросается къ вамъ; а вы потомъ хвастаетесь побѣдой. Не такъ ли? Я бы васъ сама разлюбила скоро, какъ бы далеко не зашла наша любовь. Немного больше страданій, раскаянія, стыда; а все-таки разлюбила бы васъ. Мнѣ нужно было, чтобъ меня любили! Только этаго я хотѣла.

МЕРИЧЪ.

Безцѣнная женщина.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы прежде не хотѣли меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Какъ бы я была счастлива, еслибъ я родилась полегкомысленнѣе. Меня бы занимали наряды, маленькія интрижки, и все бы было такъ легко, весело; я бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь, я выхожу за-мужъ и хочу быть хорошей женой.

МЕРИЧЪ.

Боже мой, какъ я ошибался! Я не зналъ васъ, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведенія...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не знаю, отъ души вы сознаетесь или нѣтъ; но я вамъ вѣрю, не хочу васъ обижать. За себя я на васъ не сержусь; я бы желала только, чтобы это послужило вамъ урокомъ. Разстанемся друзьями. (*Протягиваетъ ему руку*).

МЕРИЧЪ (*цѣлуя ея руку*).

Мери, я люблю тебя.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поздно, Владиміръ Васильичь, поздно.... Передо мной новый путь, и я его напередъ знаю. У меня еще много впереди для женскаго сердца! Говорятъ, онъ грубъ, необразованъ, взяточникъ; но это быть можетъ отъ того, что подлѣ него не было порядочнаго человѣка, не было женщины.— Говорятъ, женщина много можетъ сдѣлать, если захочетъ.

Вотъ моя обязанность. И я чувствую, что во мнѣ есть силы. Страстность души, которая чуть не погубила меня, теперь мнѣ нужна, для нея будетъ благородное употребленіе. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконецъ—дѣти, я буду жить для дѣтей. Вы улыбаетесь! Какъ это честно съ вашей стороны! Даже еслибы все, что я вамъ говорю, были мечты одни, которымъ никогда не осуществиться, вы все-таки не должны разочаровывать меня. Мнѣ онѣ нужны, чтобы поддержать меня въ моемъ теперешнемъ положеніи... Ахъ, Владиміръ Васильичъ, Богъ съ вами.... Вѣдь мнѣ тяжело.... мнѣ очень тяжело.—И никто не хочетъ знать этаго.

МЕРИЧЪ.

Я вамъ желаю всякаго счастія. Но, мнѣ кажется, что съ такимъ человѣкомъ оно для васъ невозможно.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, вамъ не видать моихъ страданій. Я не доставлю вамъ удовольствія пожалѣть меня. Какія бы не были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу,—чего бы мнѣ это не стоило. За что-же мнѣ страдать? Разсудите сами,—ну разсудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я наконецъ исполняю долгъ и спасаю мать. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.... Я буду счастлива, буду любима.... Не правда-ли? Скажите.... да, да.... Говорите-же! Мнѣ такъ нужно,—не противорѣчьте мнѣ...

МЕРИЧЪ *(подумавъ).*

Да!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Покорно васъ благодарю. Прощайте. *(Уходитъ).*

МЕРИЧЪ *(одинъ).*

Какая умная дѣвушка! Желалъ бы я знать, что она обо мнѣ думаетъ. Неужели она меня считаетъ пустымъ человѣкомъ!... А впрочемъ еще слава Богу, что такъ кончилось,—будь она поглупѣе, такъ не зналъ бы какъ и развязаться, однимъ упрекамъ не было бы конца; а еще, пожалуй, женили бы.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МЕРИЧЪ и МИЛАШИНЪ (*входитъ*).

МИЛАШИНЪ.

И вы здѣсь!

МЕРИЧЪ.

Да, приходилъ проститься съ Мери. Я ее любилъ, Иванъ Иванычь. Я отъ васъ не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ахъ, какъ она меня любила; и вы посмотрите на нее теперь! сколько у ней воли, какъ она твердо переноситъ свои страданія! Только я знаю, какъ она страдаетъ. Я не говорю про себя, я мужчина. Вы здѣсь на вечерѣ?

МИЛАШИНЪ.

Да.

МЕРИЧЪ.

Сдѣлайте милость, если замѣтите, что она будетъ очень грустить, утѣшайте ее, вы меня этимъ много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сдѣлать такъ, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на васъ надѣюсь, Иванъ Иванычь. Прощайте.... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИЛАШИНЪ (*одинъ*).

Однако это ужасно! въ цѣлый вечеръ она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться съ Меричемъ. Я хожу, тоскую три часа сряду, и хоть бы одинъ взглядъ. Это ужасно досадно. Или лицо у меня не такъ выразительно, что-ли. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. (*Смотритъ въ зеркало*). Фу, какое глупое выраженіе, смѣшное даже! Нѣтъ, пусть-же она замѣтитъ злую иронію въ моихъ глазахъ. (*Смотритъ въ зеркало*). А если она не захочетъ замѣтить.... Ахъ, да изъ чего же я хлопочу.... Уйдти? Она пожалуй не замѣтитъ моего отсутствія. А! чортъ возьми!... Нѣтъ, останусь. Буду хладнокровнымъ зрителемъ, буду смотрѣть холодно. Изъ чего я въ самомъ дѣлѣ горячусь. А какъ она нынче хороша-то! Какъ держитъ себя! Нѣтъ, чортъ возьми, это ужасно досадно. И какіе

скоты все кругомъ нея! У меня, кажется, нынче разольется жолчь. И этотъ женихъ, этотъ женихъ! И она еще къ нему ласкается. Нѣтъ, она замѣтитъ, какими я глазами буду глядѣть на него. (*Уходитъ*).

(*Разныя лица проходятъ по сценѣ къ двери на право*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ и **ДОБРОТВОРСКІЙ** (*входятъ подъ руку*).

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Благодаренъ тебѣ, Платонъ Маркычь, весьма благодаренъ. Ты меня много, много обязалъ. Марья Андревна и умна и образована. Именно такую жену мнѣ и нужно.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хе, хе, хе, любезнѣйшій! Что ужъ теперь толковать. Поддѣли молодца! Какова ни есть, ужъ теперь нечего назадъ пятиться!.. Шучу, шучу....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Да-съ, я тебѣ скажу, съ этакой женой не стыдно показаться въ общество. (*Останавливается передъ зеркаломъ и гладитъ подбородокъ*). Что-жъ, насъ будетъ пара, какъ ты думаешь.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Ахъ вы, проказникъ! (*хохочетъ*). Ишь ты какія штучки выдумываетъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Чему-же ты смѣешься?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Будетъ вамъ проказничать-то? Уморили со смѣху. Поцѣлуемтесь. (*Цѣлуются*).

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*въ сторону*).

Чему онъ смѣется? (*Добротворскому*). Послушай, Платонъ Маркычь, у меня есть къ тебѣ серьезное дѣло.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что прикажете?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ (*беретъ его подъ руку*).

Всѣ мы были молоды. (*Добротворскій киваетъ головой въ знакъ согласія*). Молодость, какъ ты знаешь, имѣетъ свои слабости. Ты самъ это очень хорошо знаешь, иначе я бы тебѣ и не сталъ говорить.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Всѣ мы грѣшны и всѣ мы смертны....

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Это правда, да не объ томъ рѣчь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любилъ одну дѣвушку.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Гм! Скажите! Хорошенькая была дѣвушка?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ

Очень недурна. Ну конечно изъ низкаго сословія; но очень недурна. Только характеръ у нея совсѣмъ не соотвѣтствовалъ наружности. Ревнива ...

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Вамъ это кажется удивительно. Эхъ молодость! Поживите-ко съ наше, такъ не то увидите. Вотъ я вамъ сей-часъ какую исторію разскажу, вотъ послушайте, не вашей чета, а то что вы мнѣ разсказываете! Это еще до француза было.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ахъ, какой ты безтолковый, Платонъ Маркычь! Я боюсь, что она сюда придетъ.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Кто?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Эта дѣвушка-то.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

За чѣмъ? Нѣтъ, за чѣмъ она пойдетъ, что вы говорите.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Пойми ты меня, Платонъ Маркычь, я тебѣ говорю, что она ревнива, такъ я боюсь, чтобы она тутъ шуму какого не надѣлала.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Вотъ что! а! Теперь я васъ понялъ.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Такъ ужъ ты распорядись, братецъ, такъ, чтобы не пускали никого постороннихъ.

ДОБРОВОРСКІЙ.

Что-жь вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете. Вы этакъ у меня ее уморите, сердечную.... А ужъ вы, батюшко, эти глупости-то оставьте.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Что ты, что ты! Я давно оставилъ. Только все-таки осторожность не мѣшаетъ. Понимаешь ты меня?

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Хорошо-съ, теперь понимаю. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ *(одинъ).*

Въ жизни главное дѣло умъ и предусмотрительность. Что такое я былъ? и кто я теперь? Вотъ она исторія-то! Бывало всякому встрѣчному кланяешься, чтобъ тебя не прибилъ какъ-нибудь; а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашелъ. Чортъ возьми! *(Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за хохолъ.)* Ахъ ты Максимко Беневоленскій! А думалъ-ли ты объ этомъ счастіи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ! Ничего, братецъ. Вотъ, *(стучитъ себя пальцемъ по лбу)* вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда умъ родитъ; а умъ родитъ деньгу. А съ умомъ да съ деньгами все можно сдѣлать! *(Задумывается).* Не поучиться-ли мнѣ танцовать? поучусь. Или ненадо! нѣтъ, что! Дѣловому человѣку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать. (*Немного подпрыгиваетъ, проходятъ разныя лица изъ залы, онъ становится въ приличную позу и закладываетъ руку за жилетъ. Изъ двери на лѣво выходятъ 1-я и 2-я женщина, Паша и Дуня*).

ДУНЯ.

Ахъ, Максимъ Дорофѣичь, здравствуйте. Наше вамъ почтеніе! (*Беневоленскій отворачивается въ сторону.*) Что-жъ, ты меня не узналъ, что-ли?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ахъ, это ты, Дуня! За чѣмъ-же ты....

ДУНЯ.

Невѣсту твою посмотрѣть.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Да какъ-же это! вѣдь я не велѣлъ было....

ДУНЯ.

Что это не велѣлъ? ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, я ничего. Я такъ! Что-жъ, Дуня, посмотри поди. Тамъ вонъ невѣста, тамъ приданое.

ДУНЯ.

То-то посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ, видишь какой добрый! Самъ все покажетъ. Что-жъ, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ, ты соколикъ!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ты, Дуня, поосторожнѣй—увидитъ кто-нибудь, не хорошо! (*Становится въ позицію*).

ДУНЯ.

А хочешь, сей-часъ дебошъ сдѣлаю?

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Дура, дура! Что ты! Что ты!

ДУНЯ.

Не бойся, не бойся! Что ты испугался? я не въ тебя.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ, Дуня, полно въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

ДУНЯ.

Не пойду я къ тебѣ, не безпокойся.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

А здѣсь, Дуня, тебѣ что-жъ дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

ДУНЯ.

Ужъ я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужъ можно сказать, что хороша. (*Къ Беневоленскому*). Только съумѣешь-ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (*Утираетъ глаза*).

ПАША.

А ты говорила, что тебѣ его не жаль.

ДУНЯ.

Вѣдь я его любила когда-то. Что-жъ, надо-же когда-нибудь разставаться; не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится; авось будетъ жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лѣтъ пять жили.... вѣдь жалко. Конечно, не много я отъ него добраго видѣла.... больше слезъ, одного сраму что перенесла. Такъ, ни за что прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

ПАША.

Что дѣлать, Дуня.

ДУНЯ.

А вѣдь бывало и ему рада-радешенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жъ, живи хорошенько!

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Ну ужъ конечно.

ДУНЯ.

То-то-же. Эта вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О! махнемъ рукой, Паша; завьемъ горе веревочкой.

БЕНЕВОЛЕНСКІЙ.

Прощай, Дуня!

ДУНЯ.

Адьё, мусьё!—Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ*).

ВНЕВОЛЕНСКІЙ.

Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако я было перетрухнулъ. (*Входитъ оффиціантъ*). Дай-ко мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Оффиціантъ подаетъ*). Благодарю, любезный. (*Уходитъ*).

(*Появляются на сценѣ разныя лица*).

ДВѢ ЖЕНЩИНЫ.

1-Я.

Вотъ, говорятъ: не завидуй! Какъ тутъ не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддѣли; а у меня вотъ три, да нейдутъ съ рукъ. Что ты хочешь дѣлай! А вѣдь, чай, малаго-то опутали какъ-нибудь, а то гдѣ бъ ему жениться, вѣдь за ней ничего нѣтъ?

2-Я.

Ну ужъ, матушка, нашла кому позавидовать.

1-Я.

А что?

2-Я.

Да, говорятъ, такой соколъ, что бѣда.

СЕМЬ ВАРЫШЕНЪ.

1-Я.

Что-жъ это! сказали, что танцы будутъ, а танцевъ совсѣмъ и нѣтъ.

2-Я.

Какъ тебѣ невѣста понравилась?

1-Я.

Ничего нѣтъ особеннаго.

2-Я.

А мнѣ такъ вовсе не понравилась.

3-Я.

Сентиментальна очень.

4-Я.

Должно быть собой очень занята.

5-Я.

Такой невинностью прикидывается; а сама, думаю, радехонька.... Да вѣдь ужъ и года.

6-Я.

Ты бы ужъ лучше не говорила о годахъ-то. Небось мы съ тобой моложе.

7-Я.

Пойдемте домой. *(Уходятъ).*

Музыканты проходятъ по сценѣ, барышни возвращаются и стоятъ около двери).

ДВѢ СТАРУХИ.

1-Я СТАРУХА.

Сундуки-то кованые, да должно быть пустые.

2-Я СТАРУХА.

Анъ нѣтъ, полные.

1-Я СТАРУХА.

Гдѣ ужъ полные? У нихъ всего и добра-то кругомъ пальца обвести.

2-Я СТАРУХА.

Ты въ чужіе-то сундуки лазила что-ль?

1-Я СТАРУХА.

Я не лазію,—можетъ, кто другой лазитъ.

2-Я СТАРУХА.

Тебѣ только пересуживать; а самое-то съ чѣмъ отдавали.

1-Я СТАРУХА.

Да ужъ почище тебя.

2-Я СТАРУХА.

А кто по чужимъ дворамъ дрова воруетъ?

1-Я СТАРУХА.

Врешь, я не ворую.

2-Я СТАРУХА.

Анъ воруешь.

1-Я СТАРУХА.

Ахъ ты.... *(скрываются въ толпѣ).*

ЯВЛЕНІЕ X.

АННА ПЕТРОВНА, ДОБРОТВОРСКІЙ И ДАРЬЯ (*выходятъ изъ двери направо*).

АННА ПЕТРОВНА.

Охъ, захлопоталась я нынче совсѣмъ, моченьки моей нѣтъ. Отдохнуть присѣсть. (*Садится на диванъ*).

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Что-жъ! свои вѣдь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянетъ, говорится пословица. Благо все устроили.

АННА ПЕТРОВНА.

Ужъ какъ я рада-то, Платонъ Маркычь, вы себѣ и представить не можете. Пора ужъ и мнѣ знать покой. Женщина я слабая, сырая. Во всемъ должна была себѣ отказывать. А я вѣдь, какъ при покойникѣ-то жила, вы знаете, всѣмъ была избалована.

ДОБРОТВОРСКІЙ

Въ холѣ жили и въ нѣженьѣ, Анна Петровна.

АННА ПЕТРОВНА.

И я вамъ скажу, Платонъ Маркычь, какъ я сватьбы всегда любила. Меня хлѣбомъ не корми, только гдѣ бы нибудь на сватьбѣ пировать. Вотъ теперь Богъ привелъ дочку выдавать. Ужъ не чаяла, какъ и дождаться-то такой радости. Во снѣ сколько разъ снилось. То приснится мнѣ, что пляшу я, вотъ такъ и пляшу, такъ и пляшу. Вѣдь я смолоду-то плясывала. А то вижу я разъ, будто пьяна, вотъ такъ таки совсѣмъ пьяна, и побранилась я съ вами на чемъ свѣтъ стоитъ.

ДОТРОТВОРСКІЙ.

Къ радости, сударыня.

АННА ПЕТРОВНА.

Ну да, слава Богу, все теперь устроилось.

ДОБРОТВОРСКІЙ.

Слава Богу, слава Богу.

АННА ПЕТРОВНА.

Дай-ко намъ, Даша, винца какого-нибудь. Мы съ Пла-

тономъ Маркычемъ выпьемъ на радости. (*Дарья подаетъ на подносѣ бутылку и рюмки и ставитъ на столъ*).

ДОБРОТВОРСКІЙ (*пьетъ*).

Честь имѣю поздравить, Анна Петровна. Дай Богъ внучатъ и правнучатъ дождаться.

АННА ПЕТРОВНА.

Покорно благодарю, Платонъ Маркычъ. Вамъ, батюшко, мы всѣмъ этимъ обязаны.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*входитъ*).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы здѣсь, маменька? Я васъ ищу. (*Подходитъ къ матери*).

АННА ПЕТРОВНА.

Что тебѣ, душенька, что тебѣ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ, маменька, что-то мнѣ очень скучно стало. (*Садится на диванъ и припадаетъ къ матери головой*).

ДОБРОТВОРСКІЙ (*беретъ бокалъ*).

Что дѣлать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и насъ не забудьте. Хе, хе, хе. Пожалуйте ручку, барышня. (*Цѣлуетъ*).

АННА ПЕТРОВНА (*пьетъ*).

Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихомъ мать старуху. Поживешь, сама узнаешь, что такое дѣти-то (*цѣлуетъ*). Нравится-ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (*въ слезахъ*).

Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ отъ волненія. (*Прислушивается*). Погодите, послушаемте, что говорятъ.

ДВѢ СВАХИ ВЪ СТОРОНѢ.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Ты говоришь, Карповна, что богатый человѣкъ.

КАРПОВНА.

Богатый-то богатый, такъ съ богатымъ-то надо жить умѣючи. Другой нравный, любитъ, чтобы ему угождали

Иногда и пьяный пріѣдетъ; другой любитъ, чтобъ жена за нимъ ухаживала, никого изъ людей не подпускаетъ. А гдѣ ей это знать.

ПАНКРАТЬЕВНА.

Гдѣ знать! Ты вотъ возьми, вѣдь онъ чиновникъ. Ну а чиновникъ уже все не такъ пышно живетъ. А жоны-то все, то платье изъ магазина, то шляпка изъ магазина; а нѣтъ, чтобы хозяйничать, да мужу помогать. Все наровятъ на мужа взвалить. Ну одному-то и тяжело. Гдѣ-жъ ей то знать, какая она хозяйка!

КАРПОВНА.

Гдѣ знать!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, онѣ ошибаются, я это знала и знаю, я только не надолго позабыла, что я бѣдная невѣста. Право, мнѣ кажется, что я буду счастлива, а если нѣтъ.... если нѣтъ, такъ ужъ это я буду виновата, а не вы. Никто не посмѣетъ упрекнуть васъ. Чѣмъ-же вы виноваты. Вы все для меня сдѣлали, что могли. Теперь ужъ я сама попробую что-нибудь для себя сдѣлать. (*Цѣлуетъ мать*). Я не знаю, какъ онъ меня, а я его ужъ теперь люблю.

Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему навстрѣчу и подаетъ руку).

ДОБРОТВОРСКІЙ (*подаетъ руку Аннѣ Петровнѣ*).

А мы съ вами, сударыня, польскую пройдемся. (*Уходятъ*).

ОДНА ИЗЪ ТОЛПЫ.

Это, что-ль, невѣста-то?

СТАРУХА.

Эта, матушка, эта.

ЖЕНЩИНА.

Ишь ты какъ плачетъ, бѣдная.

СТАРУХА.

Да, матушка, бѣдная; за красоту беретъ.

КОНЕЦЪ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
№
193 г.

Цѣна 1 р. 50 к. серебромъ.